

Выделение строительных горизонтов Малокопаньского городища

На территории Верхнего Потисья (северо – восточная окраина Карпато – Дунайского ареала) известны десятки памятников дакийской культуры, датируемые в рамках I в. до н.э. – начала II в. н.э. (Kotigoroško, 1995, p.103-108). Среди них по размерам и степени изученности выделяется городище возле с.Малая Копаня Виноградовского р-на Закарпатской обл. Украины. Памятник занимает вершину горы на правом берегу р.Тисы. Его площадь, более 5 га, окружена системой валов (рис.1). Основная часть городища (3 га), опоясанная валом I, исследовалась в период 1977 – 2005 гг. На площади 1,8 га раскопано 49 жилищ, 112 хозяйственно – бытовых построек и мастерских (кузнечные, ювелирные, стеклоделательная). В своём большинстве объекты не имеют узкого хронологического определения. Это связано с мощным гумусированным культурным слоем, на центральной части городища, буквально “забитой” сотнями столбовых ям от неоднократных перестроек, а главное, отсутствием в большинстве объектов хроноиндикаторов.

Диаметрально противоположная ситуация сложилась при исследовании вала I сплошной площадью. В период 1997 – 2004 гг. проводилось вскрытие вала и примыкающих к нему участков с обеих сторон от центрального входа на городище (рис.1). Южный участок (Р-XXIII), площадью 1244 кв. м, предоставил основную информацию о ходе застройки фортификационных сооружений, что позволяет выделить и основные периоды обитания на городище.

Дополнительные данные, подтверждающие выводы, сделанные на основе материалов раскопа XXIII, получены при вскрытии участка (Р-XXVI) площадью 348 кв. м к северу от центрального входа (рис.1).

В ходе исследований была создана стратиграфическая колонка застройки (табл.I), подтверждённая обильным вещевым материалом и, в первую очередь, фибулами.

Коллекцию фибул Малой Копани составляют 54 экземпляра, выделенные в 24 типа (Котигорошко, 2002). Каждый год она пополняется, в основном, уже известными формами, а в прошлом году найдена ранее неизвестная на памятнике шарнирная фибула. В настоящее время на территории вала (1592 кв. м) обнаружена 21 фибула (рис.2-3), которые в хронологической таблице рассматриваются по общей схеме застёжек городища. Вместе с фибулами для анализа горизонтов привлечены и другие хроноиндикаторы (рис.4-5), а также самый многочисленный материал – керамика. Последняя представлена согласно классификации общей коллекции городища (Котигорошко, 2004, с.172-192).

Сопоставление данных стратиграфии и хроноиндикаторов позволяет выделить шесть основных периодов застройки городища. Их анализ даётся по уровню залегания, сверху – вниз.

Горизонт I (0 – 0,45/0,5 м). Однородный серый слой земли, залегающий под дёрном. В отдельных местах, особенно на участке Р-XXIII (рис.6) нарушен объектами с сильным гумусированным заполнением. Фиксируются они на глубине 0,2 м от современной поверхности (табл.I).

По гребню вала проходила каменная кладка из крупных андезитовых плит. Её основание на глубине 0,45/0,5 м от репера, высота до 0,3/0,35 м, ширина 1 – 2,5 м. Рядом с валом располагалось несколько объектов и ям. Первые представлены жилищем VI и тремя постройками (рис.6). В их заполнении находились фрагменты гончарных горшков со сложной профилировкой венчика. Плечики обычно высоко приподняты, тулово украшалось прямыми и волнистыми линиями. Тесто с большой примесью мелкозернистого песка, обжиг достаточный, цвет – серый (рис.7, 1-3). Подобная посуда встречалась и в каменной кладке гребня вала. Датируется она X – XI вв. (Прохненко, 2004, с.278-279). К этому времени относятся две индивидуальные находки. Это серебряная подвеска – лунница со штампованным орнаментом (рис.4, 1), что характерно для украшений X – XI вв (Седов, 1981, с.24, рис.6; Kralovánszky, 1959, old.82; Прохненко, 2004, с.279-280), а также железный массивный наконечник стрелы с трапецевидным пером (рис.5, 10). Подобные наконечники характерны для кочевников евразийских степей (Плетнёва, 1981, рис.82).

Доминирующая часть материала горизонта I представлена лепной и гончарной посудой дакийского облика, в основном, в мелких обломках. Это горшки, миски, вазы для фруктов, конические чашки, пифосы (рис.7, 4-26). Среди них выделяются развал чернолощённого кувшинчика, две кружки и целая крышечка (рис.7, 10,12-13,19). Индивидуальные вещи даков составляют многочисленные обломки жерновов, ножи, пряслица, наконечники стрел и дротиков, украшения и принадлежности одежды. Среди последних выделяем две маленькие фибульные формы – подражание норико – паннонским сильно профилированным застёжкам (рис.3, 2,4), типа 17 Б (табл.II), который может быть датирован второй половиной I в. н.э. (Котигорошко, 2002, с.143-144). Этим же временем на памятниках доримской Дакии определяется и серебряная серьга (табл.II, рис. 4, 21) (Crişan, 2000, p.138, pl.III, 3).

Вместе с тем в горизонте попадают вещи, явно не соответствующие его временному существованию. В первую очередь это обломки браслета кельтского типа, отлитого из синего стекла. Время существования подобных ручных украшений определяется стадиями LTC – LTD (Venclová, 1980, s.80-81; Pieta, 1982, s.52).

Анализ материалов горизонта I с привлечением хроноиндикаторов с основной части городища, в частности, импортных вещей (Котигорошко, 2006, с.95-101) позволяет определить его как последний горизонт существования дакийского городища, в рамках второй половины I - начала II в. н.э. С другой стороны, это и горизонт X – XI вв., горизонт полуземлянок с печами – каменками. При реанимации вала I использовалась земля с дакийского культурного слоя городища, чем может быть объяснено попадание в верхний слой вещей (браслеты, фибулы, монеты типа Медиешул Аурит, расписная посуда), не характерных для этого горизонта.

Горизонт II (0,45/0,5 – 0,95/1 м). На уровне 0,5 – 0,6 м отдельные горелые слои, каменные кладки, 16 столбовых ям, подсыпка с каменной кладкой с уровня 1 м (табл.I). С глубины 0,7 м появляются одноярусные глинобитные печи. Они характеризуются многослойностью пода (камень, галька, обмазка) и глинобитностью купола. Внутри чистота, отсутствие керамики, костей и угля.

Функциональное назначение неопределено. Известные в VI – IX вв. аналогичные печи, но без мощного многоярусного пода, использовались для выпечки хлеба (Котигорошко, 2005, С.351-352).

В вещевом плане горизонт характеризуется исчезновением средневековой посуды и резким увеличением количества развалов и целых сосудов дакийского облика. В массовом количестве конические чашки с ручками, а также целые миниатюрные сосуды (рис.8-9). Вместе с тем увеличивается число индивидуального материала. Это топоры, ножи, жернова, утюжки, серпы, пряслица и т.п., а также фибулы и принадлежности одежды.

Основную группу (5 экз.) представляют сильно профилированные маленькие фибульные формы норико – паннонской профилировки (тип 17), которые могут быть отнесены к типу А-68 – показателю фазы В1b, определяемой $25/30 \pm 50$ гг. н.э. (Kolnik, 1977, s.149-152, 154; Abb.10, 6) (рис.3, 1,3,5,7-8). В горизонт этих находок (0,5 – 0,8 м) входит одночленная застёжка, округло прогнутая в верхней части ленточного корпуса, украшенная насечками по сплошному приёмнику (рис.3, 9), отнесённая к типу 24 (Котигорошко, 2002, с.146). С глубины 0,9 м (табл.II) извлечены три фибулы. Первая (тип 22 Б) относится к глазчатым застёжкам основной серии группы III Альмгрена (рис.3, 11). На основании анализа аналогичных фибул с Карпато – Дунайского бассейна они могут быть датированы в рамках 20 – 70 гг. н.э. (Котигорошко, 2002, с.146).

Следующие две фибулы относятся к 23 типу. Одночленные, с длинной пружиной и верхней тетивой, закреплённой за верхнюю часть спинки. Приёмник сплошной. Бронза (рис.3, 6,10). По аналогиям, в том числе и комплексу погребения 11 Земплинского могильника, датируется в рамках 30 – 50-х гг. н.э. (Budinský - Krička, Lamiová – Schmiedlová, 1990, pl.II, 12-13; Котигорошко, 2002, с.146).

К типу 25 относится шарнирная фибула (Ауцисса), характерная для ступени В1а, т.е. началу н.э. (Шукин, 1991, с.102; рис.6, 10). Однако, на территории распространения дакийской культуры А.Рустой (Rustoiu, 1997, p.60, fig.71, 1-4; 81) считает возможным определить время их бытования концом I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.

К уникальным находкам городища относится бронзовая фибула – брошь с головкой баранчика на передней части основы. Игла свободно крепилась к задней части и закреплялась в зазор под головкой (рис.3, 13). Аналогии нам неизвестны. Зачислена в тип 26. Шарнирные броши с щитком в форме животных А.К.Амброз (1966, с.34) определяет I в. до н.э. – I в. н.э. В нашем случае фибула – брошь стратиграфически связана с застёжками типа 17 Б и 25 (табл.I).

В роли хроноиндикаторов горизонта, кроме основной группы – фибул, выступают браслеты, кольца, пряжки, застёжки поясов.

Браслеты. Несколько типов. Первый (Iб) со змеиной головкой, изготовленный из бронзового стержня, обычно полукруглого в сечении, и гусеницевидной внешней поверхностью (рис.4, 11-13). В комплексах пуховской культуры аналогичные украшения датируются ступенью LT D2, но появляются в кельтской среде в более раннее время (Pieta, 1982, s.54, Taf.XII, 15).

Второй браслет (тип 2) рожковидной формы, отлит из бронзы (рис.4, 14). В типологической схеме А.Рустои (Rustoi, 1997, p.102, fig.48, 5; 117) тип 10, характерный для памятников доримской Дакии I в. н.э. (табл.II).

Третий браслет кельтского типа (тип 3) отлитый из синего стекла (рис.4, 16). Аналогичный экземпляр был найден в первом горизонте (табл.II).

Единичными находками представлены стеклянные сосуды и амфоры (табл.II). Среди них выделяются фрагменты от чаш – фиал, отлитых из светло – зелёного прозрачного стекла. Они имели полусферическое тулово, прямую шейку, слегка отогнутый венчик и плоское дно; с внешней стороны – вертикальные рёбра, начинающиеся от шейки (рис.5, 11).

Подобные сосуды отливались в кампанских мастерских Италии (Fremersdorf, 1958, s.3, Tabl.3). Л.Красковска (Kraskovská, 1981, s.379, 391, Abb.1, 3) относит подобные сосуды ко второй половине I в. н.э. Датировка соответствует данным Я.Тейрала (Tejral, 1983, s.90,118) и подтверждается материалами Том, где аналогичная фиала найдена с денарием имп. Веспасиана (Vicovală, 1968, p.34). В погребениях 25 и 26 германского могильника Костолна при Дунае фиалам типа E 182/183 сопутствуют ковши E 140 (Kolnik, 1980, s.104-106, Taf.XCI, m,p; XCII, n,p,t).

Амфоры до сих пор не встречались ни на дакийских, ни на более поздних памятниках Верхнего Потисья. Найденный фрагмент относится к типу светлоглиняных узкогорлых амфор, отнесённых В.В.Крапивиной к подгруппе А группы I (1993, с.94, рис.29, 1-2). По морфологическим признакам может быть сопоставим с типом А по Д.Б.Шелову (1978, с.11-21), а именно, амфорами с туловом яйцевидной формы и широким доньшком на кольцевом поддоне. Датруется I в. н.э. С.Ю.Внуков считает, что этот тип амфор происходит от широкогорлых амфор с конической ножкой и ребристыми ручками. Производились в Гераклеи и, возможно Синопе, в середине I – первой трети II в. н.э. (Внуков, 1988, с.12).

Диаметр венчика малокопаньского экземпляра 6,5 см (рис.5, 9).

Горизонт III (0,95 – 1,3/1,35 м). Характеризуется мощным горелым слоем (до 0,2 м), проходившим по гребню вала. Это пережжённая до красного цвета земля, уголь, ошлакованная керамика. В основе, на глубине 1,3 м, каменная кладка из андезитовых глыб (высота до 0,7 м), наземные, каркасно – глинобитной конструкции, жилища №40 и постройка 102, 7 глинобитных печей (табл.I, рис.7). Вместе с тем, здесь собраны сотни фрагментов керамики, десятки целых и развалов сосудов (рис.11-13). Фактически они представляют все группы керамики, выделенные в ходе исследования городища (Котигорошко, 2004, с.172-192). В данном случае можно говорить о массовости индивидуального инвентаря, как нигде на других участках Малой Копани. Это орудия труда: ножи, бритвы, топор, жернова, наковальня, тигли, утюжки, ножницы, пряслица и др. предметы. Значительную группу составляют предметы вооружения: наконечники стрел, копий, дротиков, умбон. Украшения и принадлежности одежды представлены браслетами, подвесками, пряжками и фибулами.

В коллекцию фибул входят 7 экземпляров, имеющих место в типологической таблице Малой Копани (Котигорошко, 2002). Среди них выделяются две воинские фибулы.

Воинская фибула (тип 8Б). Сильно прогнутая, её проволочная спинка снабжена гребнем. Железо. Длина 6,5 см (рис.2, 4). М.Б.Щукин (1991, с.99; рис.5, 35), ссылаясь на данные С.Рикхофф, относит воинские фибулы без резко выраженного прогиба спинки к вещам, занимающим промежуточное положение между горизонтом наухаймских фибул и находками, характерными для августовско – тибериевских лагерей Рейнско – Дунайского лимеса. Кроме того, следует отметить, что по своим морфологическим параметрам вариант Б соответствует варианту “N-a”, выделенного Т.Воллингом (1994, s.198-200, Abb.24) при анализе 930 фибул варианта “N” по Костшевскому, с территории Германии. Их дата: конец позднего латена – начало римского времени.

Современное состояние изучения “воинских” фибул позволяет отнести время их появления порядка 40-х – 20-х гг. до н.э. Благодаря простоте своей конструкции они сохраняются в раннеримское время, но постепенно вытесняются модными сильно профилированными застёжками норико – паннонского типа.

Вторая воинская фибула (тип 8В) изготовлена из железной проволоки. Сильно прогнутая, приёмник сплошной (рис.2, 6). На территории доримской Дакии они определяются периодом конца I в. до н.э. – I в. н.э. (Rustoiu, 1997, p.42, fig.36-37; 81).

Одночленная фибула с ленточной коленчато прогнутой спинкой (тип 9). Пружина четырёхвитковая с нижней тетивой. Приёмник короткий, сплошной. Бронза. Длина 4,7 см (рис.2, 5).

Подобные фибулы с памятников доримской Дакии А.Рустои (1997, p.41) относит к позднелатенскому типу и датирует второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. Ближайшая аналогия малокопаньской застёжки найдена в ритуальном ровике кургана 3 могильника Земплин. Вместе с ней здесь обнаружена накладка – лодочка от пояса норико – паннонского типа (Budinský - Krička, Lamiová – Schmiedlová, 1990, Pl.XII, 12,17). По классификации И.Гарбша (1965, s.101-103, Abb.55) относится к типу Ка, который большинство современных исследователей склонны определять как один из хроноиндикаторов фазы B1a (Kolnik, 1977, s.147, Abb.6, 11; Щукин, 1991, рис.6, 4).

Фибула типа “Jezerine”. Сильно повреждена, пружина раскручена и порвана (рис.2, 10). Для застёжек этого типа характерна ленточная спинка. Пружина четырёхвитковая с нижней тетивой. Бронза (табл.П). В период позднего латена их производили кельтские оппидумы Западной и Центральной Европы, в частности, Норика (Werner, 1961, s.144,146; Abb.1, 2). На городищах пуховской культуры Северной Словакии фибулы типа “Jezerine” входили в комплексы стадий LT D2 и комплекс с фибулой A67 (Pieta, 1982, s.32-34; Taf.VI, 14,17,19). На памятниках доримской Дакии А.М.Адам и М.Феучеге (1982, p.157-167) относят время существования этих застёжек к периоду между 40/30 гг. до н.э. – 10 г. н.э. По мнению А.Рустои (1997, p.51) фибулы “Jezerine” являются импортами и могут датироваться последней четвертью I в. до н.э. – первой четвертью I в. н.э. М.Б.Щукин (1991, с.99, рис.5, 31) считает возможным отнести их к фазе A1, к горизонту простых проволочных “воинских” фибул и фибул типа Алезия. Основное время существования: конец I в. до н.э. - начало I в. н.э.

Одночленная гладкопроволочная бронзовая фибула (тип 11). Спинка полуциркульно выгнута. Четырёхвитковая пружина с нижней тетивой и бусинкой на спинке. Приёмник отломан. Длина сохранившихся частей 2,4 и 2,6 см (рис.2, 7). Несмотря на отсутствие приёмников, считаем возможным отнести эти экземпляры к позднелатенским прогнутым фибулам вариантов М/Н по И.Костшевскому. М.Б.Щукин (1991, с.100-101, рис.5, 15, 16) зачисляет их в комплекс вещей, характерных для горизонта Гроссромштедт, определяемого рамками 50/20 гг. до н.э. - 20/50 гг. н.э.

Прямая аналогия малокопаньской фибулы имеет место в погребении 3 пшеворского могильника Куза (окр. Калиж), где она входила в комплекс с застёжкой, снабжённой звериной головкой. Э.Костшевска (1977, s.115-118; Abb.4) датирует погребение рубежом н.э. К этому же времени относит подобные застёжки с памятников пуховской культуры И.Пиета. Более чётко стадией В1 по Эггерсу определены экземпляр с Липтовской Мары III (Pieta, 1982, s.36-38; Taf.VI, 10, 16) (табл.II).

Фибула типа А19. Бронза. Длина 5,2 см Спинка резко прогнута, пружина шестивитковая с верхней тетивой (рис.2, 9).

Этот тип (13) относится к группе застёжек, характеризующих переходной период от конца латена к началу римского времени. Имеет многие варианты, распространённые от Рейнско - Дунайской области до Скандинавии (Volling, 1994, s.207-210; Abb.28-30). Только спорадически проявляются в области Иллирии, Паннонии и доримской Дакии. В основном, исследователи относят тип А19 к первым десятилетиям I в. н.э. (Motyková - Snejdrová, 1963, Beil.3, 16-17; Kolnik, 1977, s.147-148, Abb.3, 4), а М.Б.Щукин (1991, с.99, рис.5, 38) зачисляет их к самому концу I в. до н.э. Возможно, что в рейнско-дунайских лагерях они появляются в последнем десятилетии до н.э., но в более восточных областях их распространение приходится на фазу В1а (табл.II).

Биметаллическая фибула А65 (тип 14). Корпус серебряный, пружина с иглой железные. Относится к прототипу застёжек А238, т. е. фибулам с “крылышками”. В верхней части корпуса намечены крылышки. Приёмник рамчатый. Длина 4,5 см (рис.2, 8).

Я.Филипп (1956, s.114, Tabl.CXXVI, 14,19) зафиксировал их присутствие на кельтских оппидумах, в частности, оппидума Страдоницы, а время наибольшего распространения отнёс к рубежу н.э. М.Б.Щукин помещает фибулы А65 в горизонт Гроссромштедт, временное существование которого довольно расплывчатое 50/20 гг. до н.э. – 20/50 гг. н.э. (Щукин, 1991, с.100-101; рис.5, 4). Более жёсткую хронологию, вторая половина I в. до н.э., предлагает Ю.Брен (1964, s.251; Tab.15). При этом он отмечает случай, на оппидуме Трисов, находки фибулы А65 в слое над горизонтом с наухаймской застёжкой.

Вместе с вышеприведёнными фибулами в горизонт III входят подвески, браслеты, пряжки и застёжки поясов. Подвески представлены двумя бронзовыми экземплярами с одной глубины (табл.II).

Первая (тип 3), профилированная, с перехватами на корпусе и шариковидными выступами на конце (рис.4, 7). По форме близка типу 3 Рустои. Появляются во второй половине I в. до н.э., но характерны для I в. н.э. (Rustoiu,

1996, p.123-124, fig.86, 7-38; 117). Вторая (тип 4) топорковидная. Откована из железа. Длина 6,6 см (рис.4, 8). По К.Горедту тип F3a, в основном, распространённая в I в. до н.э. (Horedt, 1973, s.142-143, Abb.7). Однако, согласно А.Рустои (1996, p.124, fig.47, 3; 86, 39-40) и В.Кришан (2000, p.138), на памятниках доримской Дакии они выступают с материалом (монеты, фибулы), позволяющим определить время их существования второй половиной I в. до н.э. – I в. н.э. (табл.II).

Браслеты. Однотипные, двух вариантов. Характеризуются наличием змеиной головки на одном конце. Изготовлены из бронзы. Вариант 1a ленточный, серебряный, покрытый с внешней стороны насечками (рис.4, 9). Браслеты с подобными змеиными головками представленные типом Горедт D2b (Horedt, 1973, s.139-141, Abb.6) появляются с эпохи гальштата, но наиболее характерны для второй половины I в. до н.э. (табл.II).

Браслет типа 1б с гусеницевидной поверхностью (рис.4, 10) определяется второй половиной I в. до н.э. как и аналогичные браслеты с горизонта II (табл.II).

Кольцо. Серебряное, с утоншёнными спиралевидно закрученными концами на основу кольца (рис.4, 18). Подобные украшения, предназначенные, в основном, для подвесок, могут рассматриваться как классический дакийский атрибут одежды (тип I (табл.II)). В типологической таблице К.Горедта (Horedt, 1973, s.141, Abb.7) соответствует типу E2a, а по А.Рустои (Rustoiu, 1996, p.107, fig.59, 1-18; 117) типу 3a. Дата: вторая половина I в. до н.э. – I в. н.э.

Пряжки. Горизонт представлен одним типом пряжек, по всей видимости норико – паннонского происхождения, характеризующихся наличием на передней части рамки утиных головок (рис.5, 1-4). По форме основы и количеству головок выделяются четыре варианта, из которых три входят в горизонт III.

Ia – прямоугольная пряжка с одной утиной головкой. Бронза (рис.5, 2).

Iб – прямоугольная бронзовая пряжка с тремя утиными головками (рис.5, 3).

Iв – пряжка в форме лиры с одной утиной головкой (рис.5, 4).

Пряжки Ia соответствуют типу Гарбш 1a (Garbsch, 1965, s.80, Abb.42a) и определяется эпохой Августа.

Прямые аналогии типу Iб нам неизвестны, а лировидные входят в целый ряд комплексов доримской Дакии, в частности, давы Тилишки, с монетным двором (Лири, 1989, p.80, pl.27, 13), где они датируются довольно широко, второй половиной I в. до н.э. – I в. н.э. (Rustoiu, 1996, p.118-119, fig.75, 8-15). Анализируя экземпляры с пуховской культуры, К.Пиета отмечает, что их прототипы появляются в стадии LT D1, но производные от норико – паннонского типа G1a (Pieta, 1982, s.50, Taf.XI, 14).

Застёжки поясного ремня (накладки) на Малой Копане фрагментарны. По аналогиям с памятников доримской Дакии можно сказать, что они в плане имели ладьевидную форму. С одного конца снабжены обоймой для крепления ремня, а с другой, крючок для пряжки. Основа застёжки железная, с внешней стороны напаянная бронзовая пластина с геометрическим орнаментом (рис.5, 5-7).

Появление этого типа принадлежности одежды в гето – дакийской среде М.Бабеш (Babeş, 1983, p.212-214) связывает с заимствованием из кельто – германской среды, а именно, скордиков Южной Паннонии и бастарнов Восточных Карпат. А.Рустои временное существование застёжек определяет по дакийским

комплексам I в. до н.э. с возможностью захода в первые десятилетия I в. н.э. (Rustoiu, 1996, p.120-121, fig.79-85).

На территории городища найдено пять деталей от астрагаловых поясов, один из них входит в комплекс горизонта. Бронзовый, двухраздельный (рис.5, 8). В регионе почти полной сохранности пояс из городища в Земплине. Он состоял из 20 четырёхраздельных бронзовых астрагалов (Miroššayová, Caplovič, 1991, s.120). Подобные пояса такой сохранности встречаются редко.

Появляются астрагаловые пояса в V в. до н.э. в Иллирии, позднее, из страны скордисков, распространяются в разные и довольно отдалённые регионы Карпатского ареала (Todorovič, 1968, s.61). Особенно много астрагалов найдено на территории доримской Дакии, где они датируются концом стадии LTD (Crişan, 1978, p.157). Двухраздельные астрагалы с комплексов пуховской культуры определяются концом стадии LT D2 и Эггерсом B1a (Pieta, 1982, s.47-48, Taf.XI, 9).

Горизонт IV (1,35 – 1,85/1,9) состоял из напластований жёлтой, серой и тёмно – бурой почвы, а на глубине 1,7 – 1,8 м отмечается выход слоя чёрной вязкой глины с незначительным включением дакийской керамики. В отдельных местах регистрируется наличие каменных кладок из андезитовых плит. На глубине 1,35 м находилась постройка 103 с каменной кладкой фундамента, перекрытая постройкой 102 горизонта III. Выявлены и шесть глинобитных одноярусных печей, аналогичных верхним слоям (табл.I).

Вместе с тем горизонт характеризуется резким сокращением керамики, среди которой в значительной степени увеличиваются формы расписной посуды подгруппы Б (рис.15). Целые формы представлены двумя кубками и кружкой с вертикальными расчёсами (рис.15, 5-6,8).

Индивидуальные находки составляют единичные предметы: обломки жернова, тигля, ножа, пряслице и принадлежности одежды. Среди последних выделяются три фибулы.

Гладкопроволочная фибула, отлитая из серебра (тип 3). Спинка коленчато изогнутая, приёмник короткий, сплошной. Пружина (судя по обломкам) была многовитковая. Длина корпуса 4 см (рис.2, 1). К.Горедт относит подобные фибулы к изделиям местных дакийских ювелиров и зачисляет их в тип A2b. По сонаходкам с драхмами о.Фасоса, Диррахиума и римскими республиканскими денариями они определяются в рамках 75 – 25 гг. до н.э. (Horedt, 1973, s.131, 151, Tabl I-II, Abb.2).

Фибула наухаймского типа (тип.4, табл.II). Пружина четырёхвитковая, тетива нижняя. Спинка плоская, слегка прогнутая, треугольно сужается к ножке. Приёмник отломан, но, судя по аналогиям, был рамчатым. Железо. Длина более 4 см (рис.2, 2). И.Вернер относит эти застёжки к атрибутам женской одежды и определяет периодом от 50 г. до н.э. до времени Августа. Однако, надёжно датированных комплексов, подтверждавших бы верхнюю границу, исследователь не приводит (Werner, 1955, s.170-186). Установленное в 50 - 60-х гг. временное существование наухаймских фибул было оспорено в настоящее время (Щукин, 1989, с.64, 66; 1991, с.96-98; Ерёмченко, 1997, с.27). В основу передатировки положены материалы оппидума Манхинг на Верхнем Дунае. Время его гибели связывается по новым данным не с римской оккупацией Реции и Норикума в 15 г. до н.э., а с событиями 60 – 58 гг. до н.э. (дако - кельтская война, нашествие германцев Ариовиста, начало

завоевания Цезарем Галлии). Исходя из даты разгрома Манхинга, располагающего наиболее обильными находками наухаймских фибул (более 60 экз.), и их отсутствием на оппидумах, разрушенных после его гибели, основное время существования этого типа застёжек относится к первой половине I в. до н.э.

Фибулы наухаймского типа, являясь классической продукцией кельтских оппидумов Центральной Европы, в фазе LT D1 достигают её северных и восточных областей, проникая и на территорию Верхнего Потисья. Кроме Малой Копани аналогичные застёжки в этом регионе известны только в дакийских погребениях могильника Земплин (Budinský - Krička, Lamiová – Schmiedlová, 1990, Pl.I, 5; VIII, 13; XII, 20). В Малой Копане наухаймская фибула стратиграфически связана с горизонтом начального строительства фортификационных сооружений. Выше её находилась серебряная фибула типа 3.

Таким образом, наиболее вероятное время её бытования на городище, около середины I в. до н.э.

Одночленная фибула с восьмивитковой пружиной, закреплённой за корпус (тип 6). Спинка ленточная, прогнутая, вытянутой ромбической формы. Приёмник обломан, но, судя по аналогиям, был коротким, сплошным. Бронза. Длина около 4 см (рис.2, 3; табл.II).

Аналогичные застёжки в серебряном исполнении К. Горедт (1973, s.151, Abb.2, Tabl.1), по взаимовстречаемости в денежно-вещевых кладах, определил 75 - 25 гг. до н.э., а А.Рустой - второй половиной I в. до н.э. Проведённое исследователем картографирование этих фибул показало, что основная территория их распространения - дакийские памятники центральной и южной частей Карпато - Дунайского ареала (Rustoiu, 1997, p.44; fig.41; 42). В Верхнем Потисье и прилегающих областях этот тип застёжек до сих пор был неизвестен.

Из других находок горизонта отмечаем спиралевидное серебряное ленточное кольцо (тип 3) (рис.4, 22). По классификации К.Горедта тип E4a, а по А.Рустой тип 4a. На памятниках доримской Дакии определяются второй половиной I в. до н.э. и на протяжении I в. н.э. (Rustoiu, 1996, p.108-109, fig.60, 1-8,15-16).

В этом горизонте обнаружено и звено бронзовой цепочки (рис.4, 20; табл.II). На памятниках пуховской культуры Северной Словакии датируются в рамках LT C2 – LT D1. Прямая аналогия происходит из Липтовской Мары I (Pieta, 1982, s.47, taf.XI, 23).

Горизонт V от 1,9 до 3,1 м на гребне вала и до 4,2 м (от репера) на склоне (рис.14). В основном, состоит из стерильных насыпных слоёв жёлтой глины, жёлтого мелкого материкового галечника с включением культурных остатков. Этим горизонтом было создано горизонтальное эскарпирование склона путём подсыпки, после чего был проведён целый ряд других фортификационных мероприятий. Первое, строительство вала и палисада, на что указывают канавка, шедшая дугой по гребню вала и ещё две дополнительные с внешней стороны. Ширина их до 0,6 м, глубина – 0,7 – 1,05 м. Большая часть их забутована андезитовыми плитами. Вдоль основания канавки (ровика) с внутренней стороны городища размещалась серия столбовых ям на расстоянии 1,7 – 2 м друг от друга, диаметром 0,9 – 1,1 м, глубиной 0,7 – 1,1 м. От других столбовых ям горизонта они отмечаются не только глубиной,

расположением, вдоль ровика, но и солидной забутовкой камнями и керамикой (рис.14).

Керамический материал незначительный, среди которого попадаются подлежащие реконструкции сосуды. Все они дакийского облика, в основном, лепные, выделяются расписные вазы и миски (рис.16, 1-16). Среди индивидуального инвентаря отмечаются обломки “утюжков” и тигля.

Горизонт VI – горизонт первоначального обитания на будущем городище. Толщина культурного слоя не более 0,1 – 0,2 м. Состоит из чёрной вязкой глины с небольшим содержанием керамики. Это обломки графитовых ситул и фрагмент от гавской амфоры. Сосуд сформован из глиняного теста с примесью шамота. Поверхность покрыта чёрным лощением и украшена каннелюрами (рис.16, 17-19).

Проведённый анализ материала с участков двух раскопов на территории вала I даёт возможность конкретно судить о времени изначального существования городища и основных периодах его застройки в процессе создания и утверждения одного из опорных пунктов – дав в Верхнем Потисье.

Первоначальное заселение будущей территории городища (если исключить наличие палеолитических артефактов), относится к эпохе раннего гальштата. Культурный слой этого периода довольно бедный. Это мелкие обломки сосудов в основании вала, перемешанные с дакийской керамикой, а также два черпака с раскопа XXI (рис.1). Стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что в период XII – X вв. до н.э. население, заселившее Малую Копаню, довольствовалось естественной защитой (горизонт VI). Сколько они прожили в данной местности и почему её покинули сказать в настоящее время невозможно, в связи с полным отсутствием комплексов гальштатского периода. Приблизительно через 1000 лет здесь появляются новые обитатели – даки, которые с момента прибытия приступили к созданию центра дакийской культуры: военного, административного, ремесленного и, возможно, религиозного, т.е. давы, которые уже имели место на коренной территории даков – Трансильвании (Crişan, 1977, p.290-339).

Время изначального строительства определяется двумя взаимосвязанными горизонтами. Горизонт V – горизонтальное экскарпирование западной части поселения возле центрального входа (рис.1). После завершения этой работы строится палисад, что отражено в канавках (ровиках) и столбовых ямах, забутованных камнями, и сооружается вал (табл.I, рис.7).

Время этих работ определяется фибулами (типы 3-4,6), а также кольцом типа 3 и звеном бронзовой цепочки. Все они занимают жёсткую стратиграфическую позицию, на глубине 1,6 – 1,8 м (табл.II), и выступают довольно надёжными хроноиндикаторами периода I в. до н.э., а скорее 80 – 50 гг. до н.э.

В данном случае выбор даты горизонта это и определение времени вторжения даков в Верхнее Потисье (Kotigoroško, 1995, p.103-108). Изначально точкой отсчёта был поставлен 60 г. до н.э., когда даки в Среднем Подунавье разгромили кельтские племена бойев и таврисков во главе с Критасиром (Страбон, География, V, 1,6; VII, 1,5). Дата подтверждается Цезарем (Цезарь, I, 5,4), отмечающим перемещение бойев с востока в район Норей в рамках 59 – 58 гг. до н.э. Исходя из времени создания государства Бурбисты не позже 82 г. до н.э. (Иордан, Гетика, 67), а также проведение объединения дако – гетов в единое политическое образование в период

80 – 70 гг. до н.э., что имеет отражение в археологических материалах (Crişan, 1977, p.233-240) можно полагать проникновение даков в Верхнее Потисье или до главного сражения с кельтами, в ходе внутренней политики Бурбисты, или после разгрома кельтов и гибели латенской культуры. Этот период (70 – 60 гг. до н.э.) подтверждается хроноиндикаторами. Однако 60 г. до н.э. – конкретная историческая дата, которая в регионе может быть точкой отсчёта времени существования дакийской культуры и, в частности, Малокопаньского городища.

Горизонт III – время катастрофы, приведшей к разгрому городища. Сгорели оборонительные сооружения, пожар уничтожил целый ряд жилищ, как результат захвата противником важного коммуникационного пункта на Тисе. Свидетельством случившегося бедствия является и наиболее многочисленная вещевая коллекция, связанная стратиграфически со слоем 1 – 1,2 м.

Обильное количество хроноиндикаторов (табл. II) определяет время существования горизонта III в рамках последних десятилетий I в. н.э. – первых двух – трёх десятилетий I в. н.э. Основа горизонта (1,3/1,2 м) характеризуется дополнительными мероприятиями по усилению обороны центрального входа, путём увеличения высоты вала с использованием каменной кладки из андезитовых плит (табл. I; рис. 7).

Можно полагать, что проводимые мероприятия осуществлялись не спонтанно, но со знанием угрозы нападения, которое произошло на рубеже нашей эры и закончилась разгромом Малой Копани. Ни естественные, ни искусственные рубежи не смогли остановить врага. Главные вопросы: кто и когда? В отношении первого обращаемся к античным источникам, которые в своей основе малочисленны и обрывочны. Согласно Светония (Бож. Юлий, 44) и Аппиана (X, III, 13) Цезарь собирался совершить захват Дакии и уже были сосредоточены легионы в Диррахиуме, однако, мартовские иды 44 г. до н.э. помешали осуществить планы дальнейшего расширения римских границ и приведению к спокойствию неукротимых даков. Завещание Цезаря в отношении к Дакии не выполнил ни Август, ни другие императоры династии Юлиев – Клавдиев, но осуществил Марк Ульрий Траян (105 – 106 гг.).

Исходя из письменных источников, подтверждённых данными археологии (Bóna, 1986, old.58-60), в начале нашей эры в Тисо – Дунайское междуречье вторгаются сарматы – языги, вытесняя оттуда даков на север, в горы (Plin., NH, IV, 25). Это переселение было настолько массовым, что достигает отдалённых областей Северной Словакии. Вторжение в горные области Карпат даков фиксируется разрушенными городищами и селищами в начале раннеримской ступени B1, а в дальнейшем увеличением керамики дакийского облика (Pieta, 1982, s.306-307). Эта дата совпадает со временем разгрома Малой Копани.

Горизонт II – это время восстановления разрушенных фортификационных сооружений, дополнительные подсыпки вала, каменные кладки (табл. I; рис. 7). Лепная посуда, как основной этноиндикатор, остаётся без изменения, что указывает на отсутствие инородного вторжения (рис. 8-10). Гончарное производство, в основном, сохраняет старые традиции, но вместе с тем появляются ранее неизвестные формы (кувшины, кратеры, канфаросы, крышки), связанные с работой провинциально римских мастерских (Котигорошко, 2004, с.178, рис. 6, 22, 25-35).

Вместе с ними появляются сильнопрофилированные фибулы норико – паннонского типа (Котигорошко, 2002, с.142-145), выделенные в тип 17 (рис.3, 1-5,7-8).

По поступавшим образцам мастера городища стали выпускать собственную продукцию (Котигорошко, 2002, с.143, табл.III, 1), которая обслуживала всю близлежащую округу, а, возможно, и более отдалённые районы.

На основании хроноиндикаторов и стратиграфических наблюдений верхнюю границу горизонта II можно отнести к 50 – 70 гг. н.э.

Верхний горизонт – это с одной стороны последний этап существования дакийского городища, а с другой, его реанимация в X – XI вв. Здесь на отдельных участках прослеживались горелые слои, однако они не имели такой мощности как в горизонте III (табл.I). Зафиксированные столбовые ямки бессистемны. В ходе реставрации вала, предпринятой в X в. перемещались более древние слои. В результате попадали вещи не характерные для этого горизонта (табл.I). В частности это касается стеклянных браслетов кельтского типа (тип 3), а также монет типа Медиешул Аурит, которые датируются второй половиной II - началом I в. до н.э. (Kolníková, 1980, s.93). На городище найдено 29 экземпляров, из них 11 с территории вала, занимающие довольно широкую позицию, от первого до пятого горизонтов.

Хроноиндикаторы позволяют верхний горизонт отнести к завершающему этапу существования дакийского городища. Конец его функционирования взаимосвязан с событиями на территории основной Дакии, а именно дако – римскими войнами начала II в. н.э. (Котигорошко, 1999, с.108-109).

Подводя итоги исследования выделяем несколько основных моментов. Первоначальное заселение Малой Копани относится к XII – X вв. до н.э. Где-то около 70 – 60 г. до н.э. в результате экспансионной политики Бурбисты в Верхнем Потисье возникает ряд городищ, среди которых наиболее крупными являлась Малая Копаня. В начале I в. н.э. она подверглась разгрому даками, отброшенными языгами на север. После разгрома она быстро восстанавливается и существует до начала II в. н.э. Приблизительно через 900 – 1000 лет сюда приходит новое население, которое заново осваивает памятник и восстанавливает вал. С X – XI вв. на городище начинается новый отсчёт времени, по всей видимости, связанный с формированием раннефеодального венгерского государства.

Kotyhoroshko Vyacheslav

Construction Horizons of Mala Kopanya Fortified Settlement

(Summary)

The period of residence in multi-layers fortified settlement Mala Kopanya is considered in the article. Analysis of chronological indicators and stratigraphy of fortified construction on the spot of 1592 sq. m. (Figure 1) allows to define six building horizons. The lowest (VI) is connected to Halstadt population. Fifth – fourth is a period of initial building of fortified constructions. Third horizon is linked to the period of settlement destruction in the beginning of AD, obviously by Dacians, pushed out from Tisza – Danube region by Sarmats.

After the distraction the reanimation of fortifications started. They existed till the beginning of II AD. Fortified settlement stopped to exist during Roma – Dacian wars (105 – 106), which resulted by establishment of Dacia province.

The place of Dacian fortified settlement was occupied by the new population in X – XI AD. New inhabitants started to restore the fortifications.

Литература

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. – 1966. – Вып.Д1. - 30.

Внуков С.Ю. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья // Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 1988.

Ерёменко В.Е. “Кельтская вуаль” и зарубинецкая культура. – СПб., 1997.

Иордан. Гетика. – М., 1960.

Котигорошко В.Г. Городища рубежа нашей эры в Верхнем Потисье // SA. – 1989. – XXXVII – 1. – С.21-67.

Котигорошко В.Г. Этнополитические аспекты истории населения Верхнего Потисья I тыс. до н.э. - I тыс. н.э // *Relații româno - ucrainiene, istorie și contemporaneitate. Румунсько - українські відносини: історія і сучасність.* - Satu Mare, 1999. - С.101-118.

Котигорошко В.Г. Фибулы дакийского городища Малая Копаня в аспекте выделения хронологических горизонтов // *Carpatica – Карпатика. Карпати в давнину. Матеріали міжнародного симпозіуму.* – Ужгород, 2002. – Вып.15. - С.135-154.

Котигорошко В.Г. Классификация керамики дакийского городища Малая Копаня // *Carpatica – Карпатика. Давня історія Карпато – Дунайського ареалу та суміжних регіонів.* – Ужгород, 2004. – Вып.31. – С.172-192.

Котигорошко В.Г. Населення Верхнього Потисся в VI – IX ст. // *Археологічні дослідження Львівського університету.* – Львів, 2005. – Вып.8. – С.346-371.

Котигорошко В.Г. Импорты Малокопаньского городища // *Древнее Причерноморье.* – Одесса, 2006. – С.95-101.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. – К., 1993.

Плетнёва С.А. Восточноевропейские степи во второй половине VIII – X ст. // *Степи Евразии в эпоху средневековья.* – М., 1981. – С.62-79.

Прохненко І.А. Середньовічний горизонт Малокопанського городища // *Carpatica – Карпатика. Давня історія Карпато – Дунайського ареалу та суміжних регіонів.* – Ужгород, 2004. – Вып.31. – С.273-293.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV вв.). – М., 1981.

Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и комм. Г.А.Стратановского. – М., 1994.

Тацит Корнелий. *Анналы. Малые произведения. История.* - СПб., 1993.

Шелов Д.В. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э.: классификация и хронология // *КСИА АН СССР.* – 1978. - №156. – С.16-21.

Щукин М.Б. Фибулы типа “Алезия” из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско – варварских контактов на рубеже нашей эры // СА. – 1989. - № 3. – С.61-70.

Щукин М.Б. Некоторые проблемы хронологии раннеримского времени (К методике историко – археологических сопоставлений) // АСГЭ. – 1991. – Вып.31. – С.90-106.

Babeş M. Paftalele Laténe tírzii din sud-estul Europei // SCIVA. – 1983. – №3. – P.193-221.

Bóna I. Szabolcs – Szatmár megye régészati emlékei I // Szabolcs – Szatmár megye műemlékei. – Budapest, 1986. – I. – Old.15-91.

Břen J. Význam spon pro datování keltských oppid v Čechách // SNMP. – 1964. – XVIII. – S.195-289.

Bucovală M. Vase antice de sticlă la Tomis. – Costanta, 1968.

Budinský - Krička V., Lamiová - Schmiedlová M. A late 1st century B.C. - 2nd century A.D. cemetery at Zemplin // SA. - 1990. - XXVIII.- 2. - S.245-344.

Crişan I.H. Burebista și epoca sa. – Bucureşti, 1977.

Crişan I.H. Ziridava. – Arad, 1978.

Crişan V. Dacii din Estul Transilvaniei. – Sfântu Gheorghe, 2000.

Filip J. Keltové ve Střední Evropě. – Praha, 1956.

Fremersdorf F. Römisches Buntglas in Köln. – Köln, 1958.

Garbsch J. Die Norisch – Pannonische Frauentracht im 1. Und 2. Jahrhundert. – München, 1965.

Horedt K. Die dakischen Silberfunde // Dacia. – Bucarest, 1973. – XVII. – S.127-168.

Kaszewska E. Problem der keltischen Besiedlung in Mittel – und Nordpolen // Symposium ALZAG. – 1977. – S.107-122.

Kolník T. Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakei und das Regnum Vannianum // Symposium ALZAG. – 1977. – S.143-172.

Kolník T. Römerzeitliche Gräberfelder in der Slowakei. – Bratislava, 1980.

Kolníková E. Hromadný nález keltsko – dáckych mincí z Ptičia. Príspevok k hospodársko – spoločenským dejinám východného Slovenska // SN. – 1980. – VI. – S.23-98.

Kotigoroško V. Ținuturile Tisei Superioare in veacurile III i.e.n. - IV e.n. (Perioadele La Tene și romană). - Bucureşti, 1995.

Kralovánzky A. Adatok a kárpát – medencei X – XI. Századi félhold alakú csüngők kérdéséhez // AÉ. – 1959. – 1. – Old.76-82.

Kraskovská L. Römische Glasgefäße in der Slowakei // SA. – 1981. – XXIX. – 2. – S.377-392.

Lupu N. Tilişca. Așezările arheologice de pe Cățânaș. - Bucureşti, 1989.

Miroššayová E., Čaplovič D. Najnovšie výsledky výskumu včasnodejinneho a stredovekeho osídlenia v Zempline // Východoslovenský pravek III. Príspevky k pravekým a včasným dejinám východného Slovenska. – Košice: Slovenska akadémia vied, 1991. - S.115-132.

Motyková – Snejdrová K. Počátky doby římské v Čechách. – Praha, 1963.

Pieta K. Die Puchov - Kultur. - Nitra, 1982.

Rustoiu A. Metalurgia bronzului la daci (sec. II î. Chr. – sec. I d. Chr.). Tehnici, ateliere și produse de bronz. – București, 1996.

Rustoiu A. Fibulele din Dacia preromană (sec. II î.e.n. – I e.n.). – București, 1997.

Tejral J. Mähren und die Markomannenkriege // SA. – 1983. – XXXI. – S.85-120.

Todorovič J. Kelti v jugoistocnoj Europi. - Beograd, 1968.

Venclová N. Nástin chronologie laténských skleněných náramků v Čechach // PA. - 1980. – XXVIII. – 1. – S.61-91.

Werner J. Die Naheimer Fibel // JRZM. – 1955. – Jg.2. – S.170-186.

Werner J. Bemerkungen zu norischem Trachtzubehör und zu Fernhandels –
beriehungen der Spätlaténezeit im Salzburger Land // Mitt. Gesell. salzb. Lendeskunde. –
Salzburg, 1961. – 101. – S.143-160.

Völling Th. Studien zu Fibelformen der jüngeren vorrömischen Eisenzeit und
ältesten römischen Kaiserzeit // BRGK. – 1994. – B.75. - S.148-286.

- I-XXXIV - РАСКОП
- +— - РАЗРЕЗ
- ▣ - МАТЕРИК
- ▣ - ДЕРН
- ≡ - КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
- TR - ТРАШЕЯ

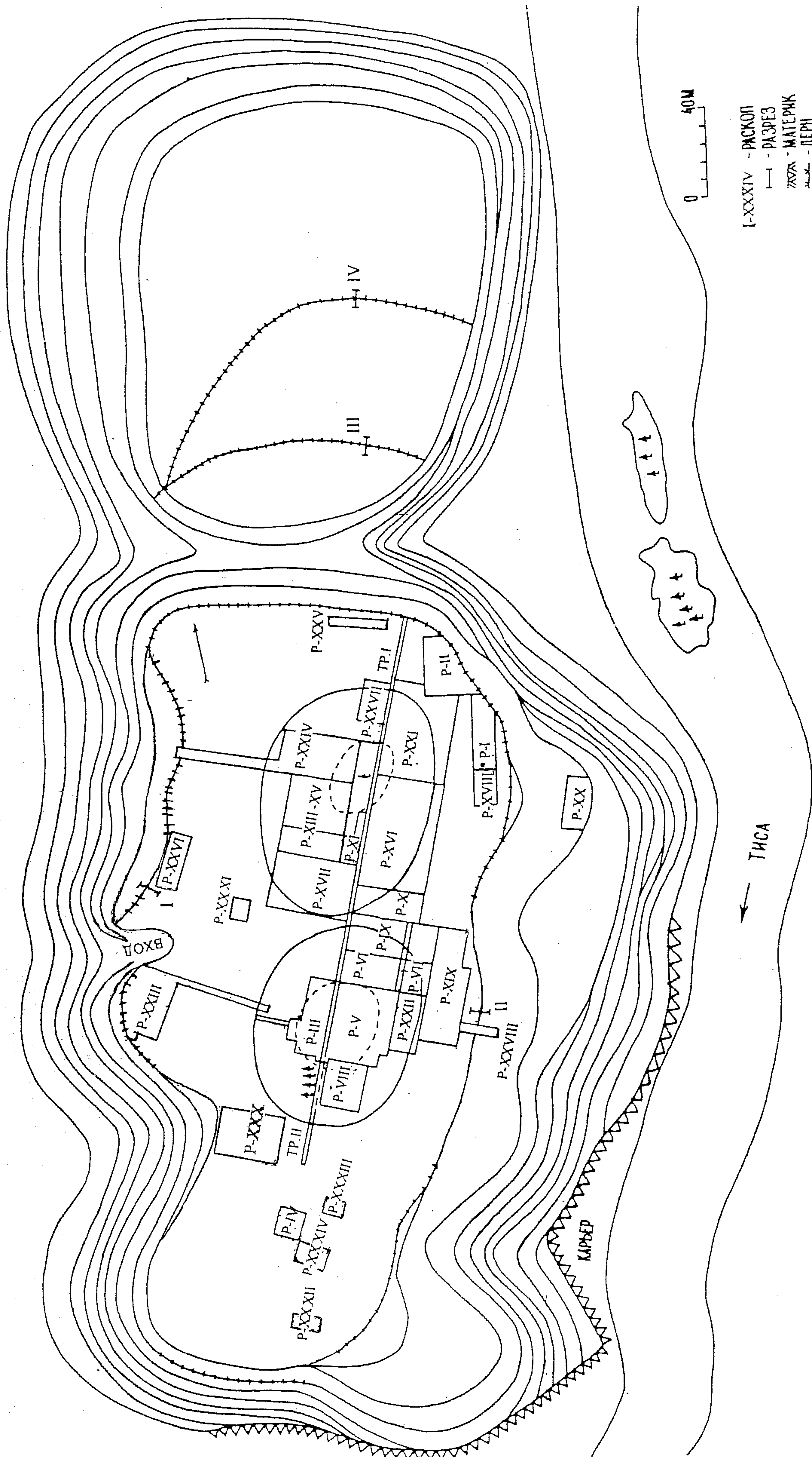

Рис.1. Малая Копаня. План городища.

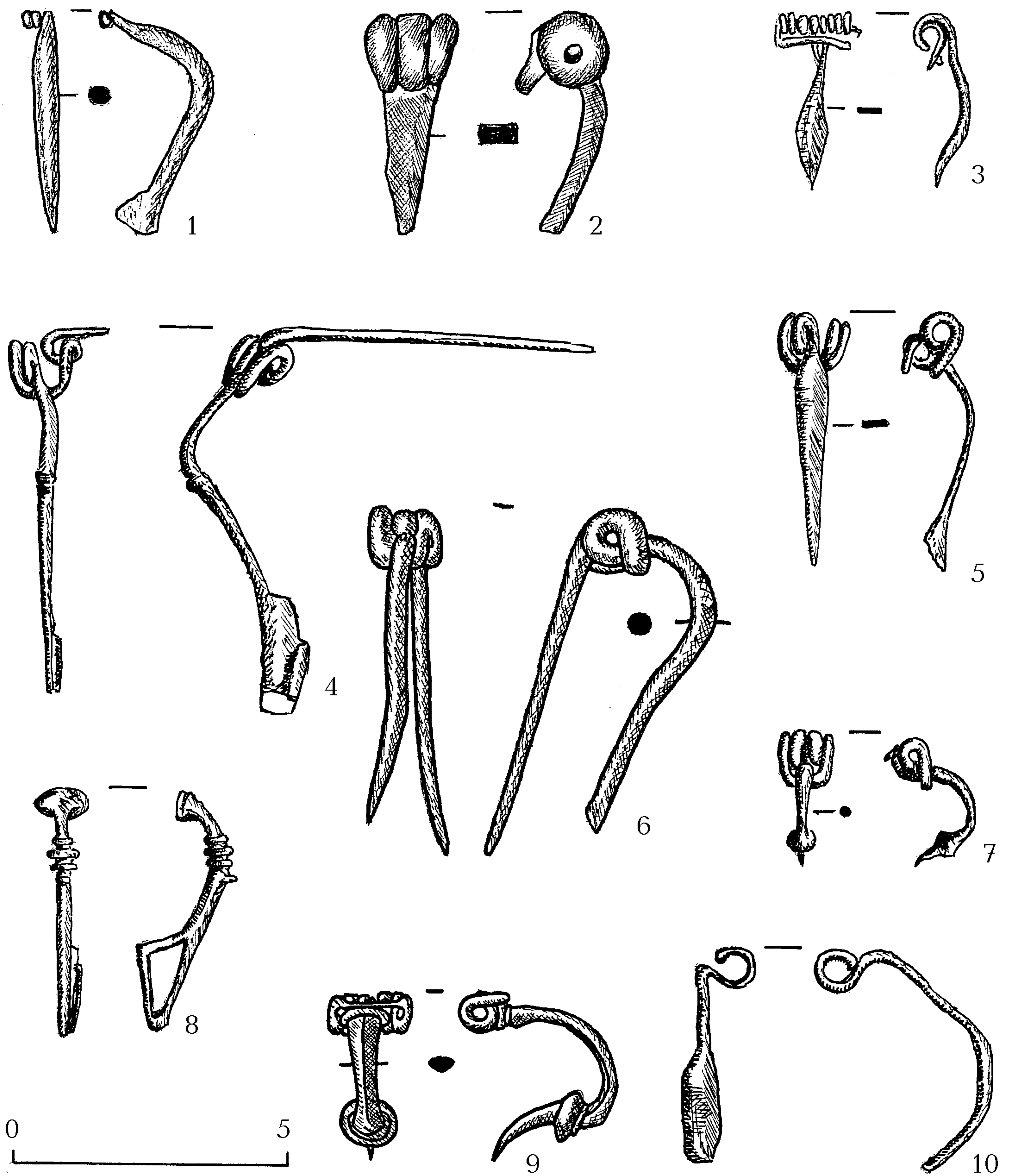

Рис.2. Малая Копаня. Фибулы из Р – XXIII, XXVI.

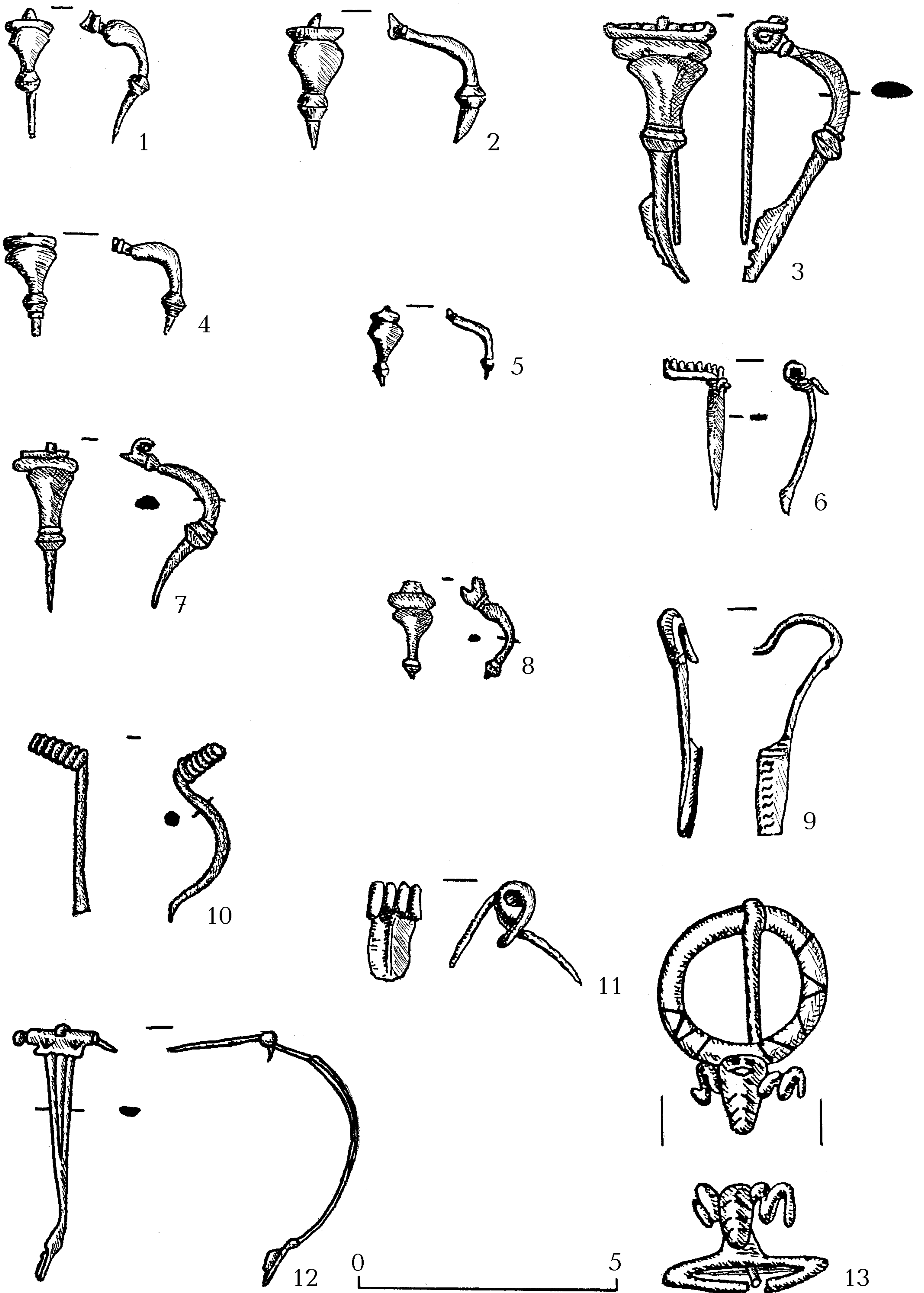

Рис.3.Малая Копаня. Фибулы из Р-XXXIII, XXVI.

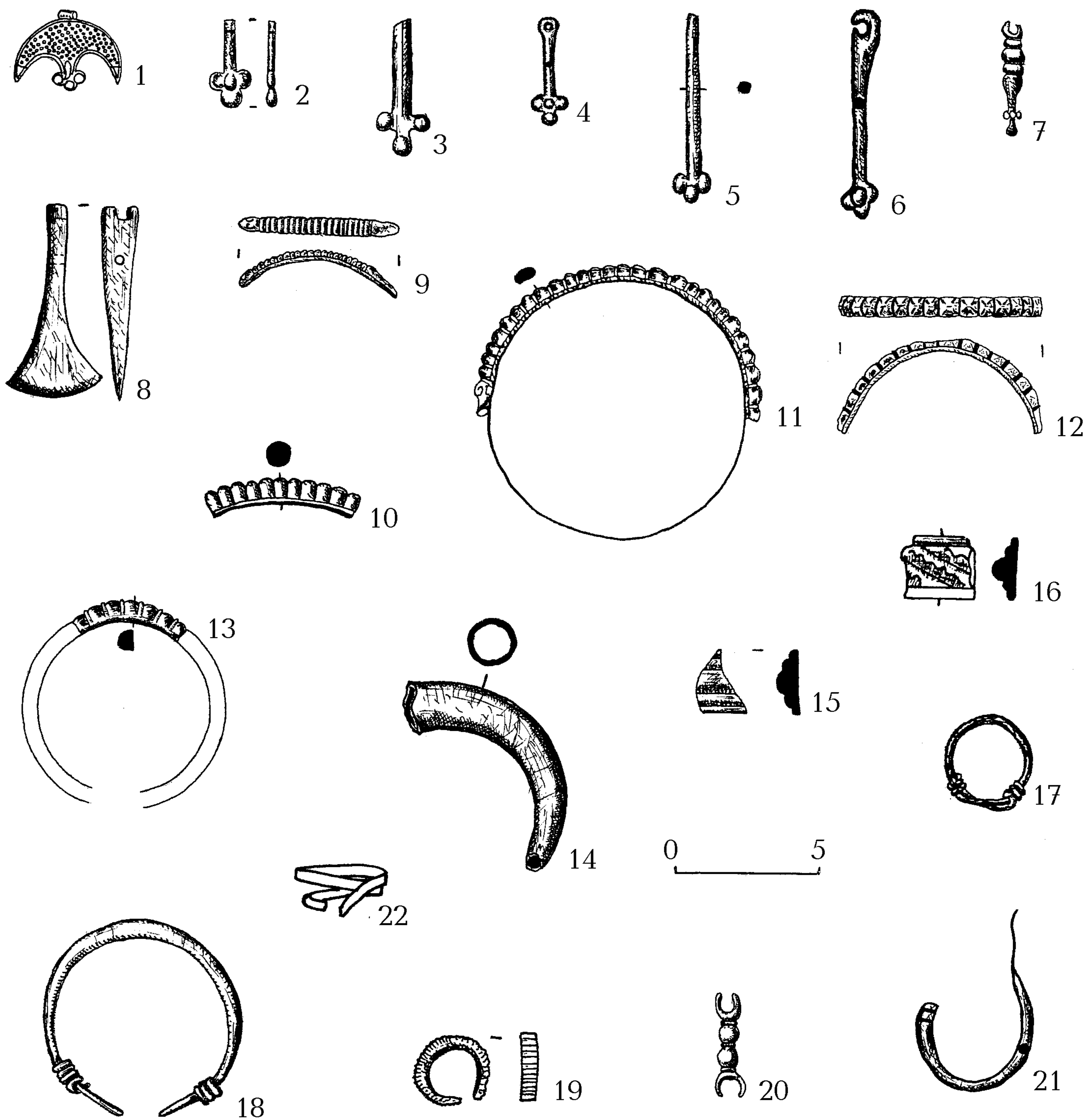

Рис.4. Малая Копаня. Украшения из строительных горизонтов Р– XXIII и XXVI.

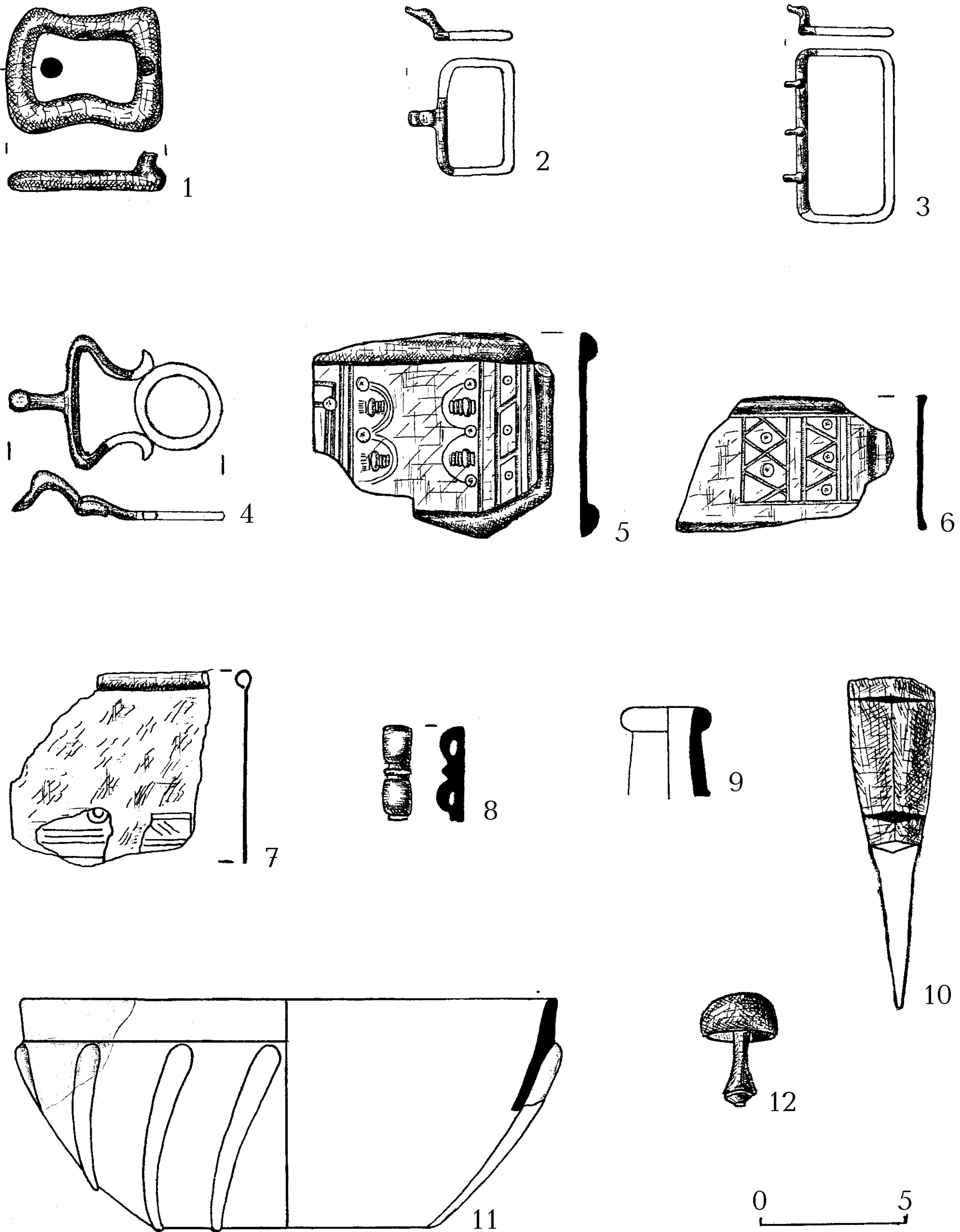

Рис.5. Малая Копаня. Принадлежности одежды, сосуды, наконечник стрелы из строительных горизонтов Р – XXIII и XXVI.

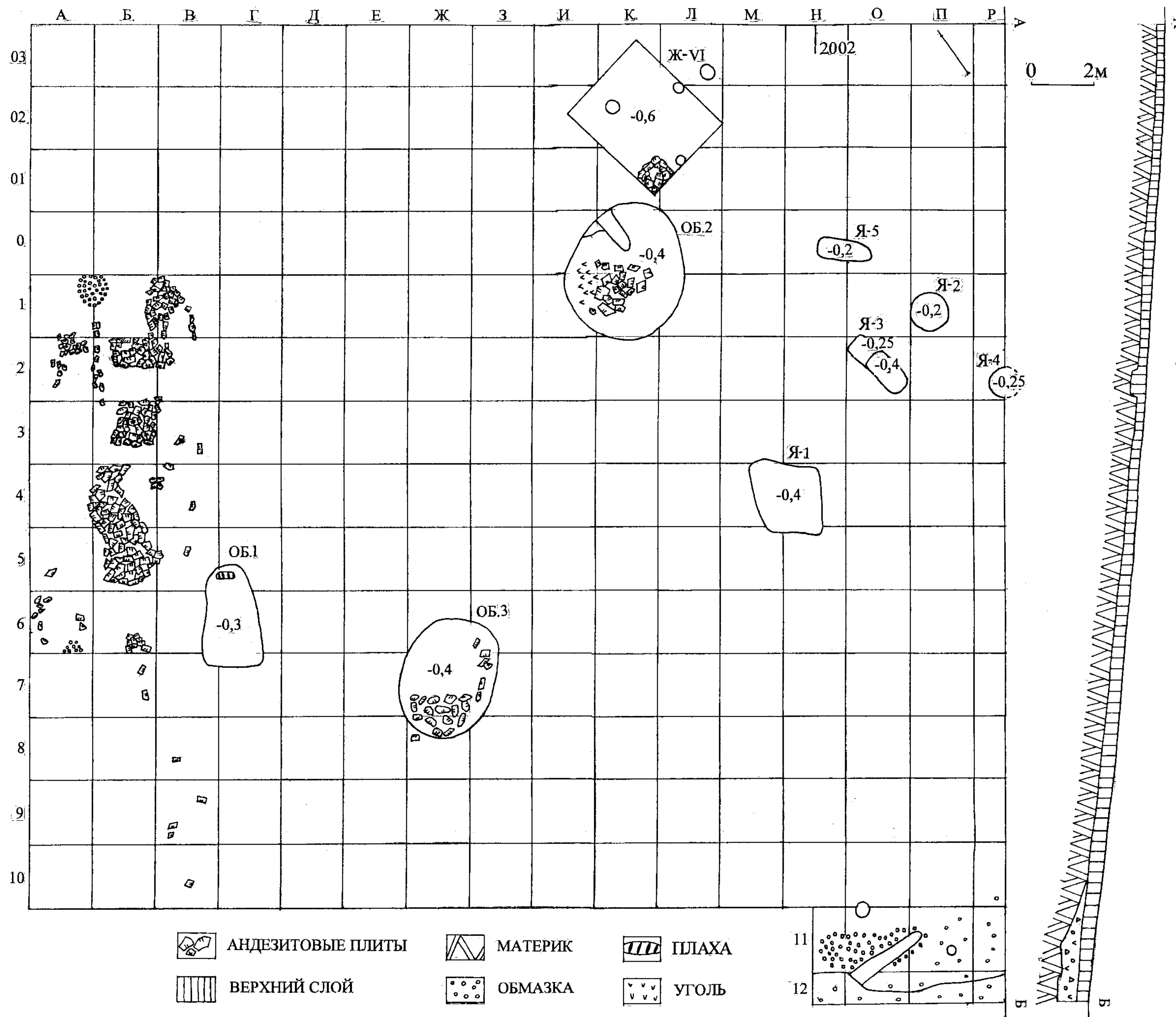

Рис.6. Малая Копаня. План и разрез горизонта I (Р – XXIII).

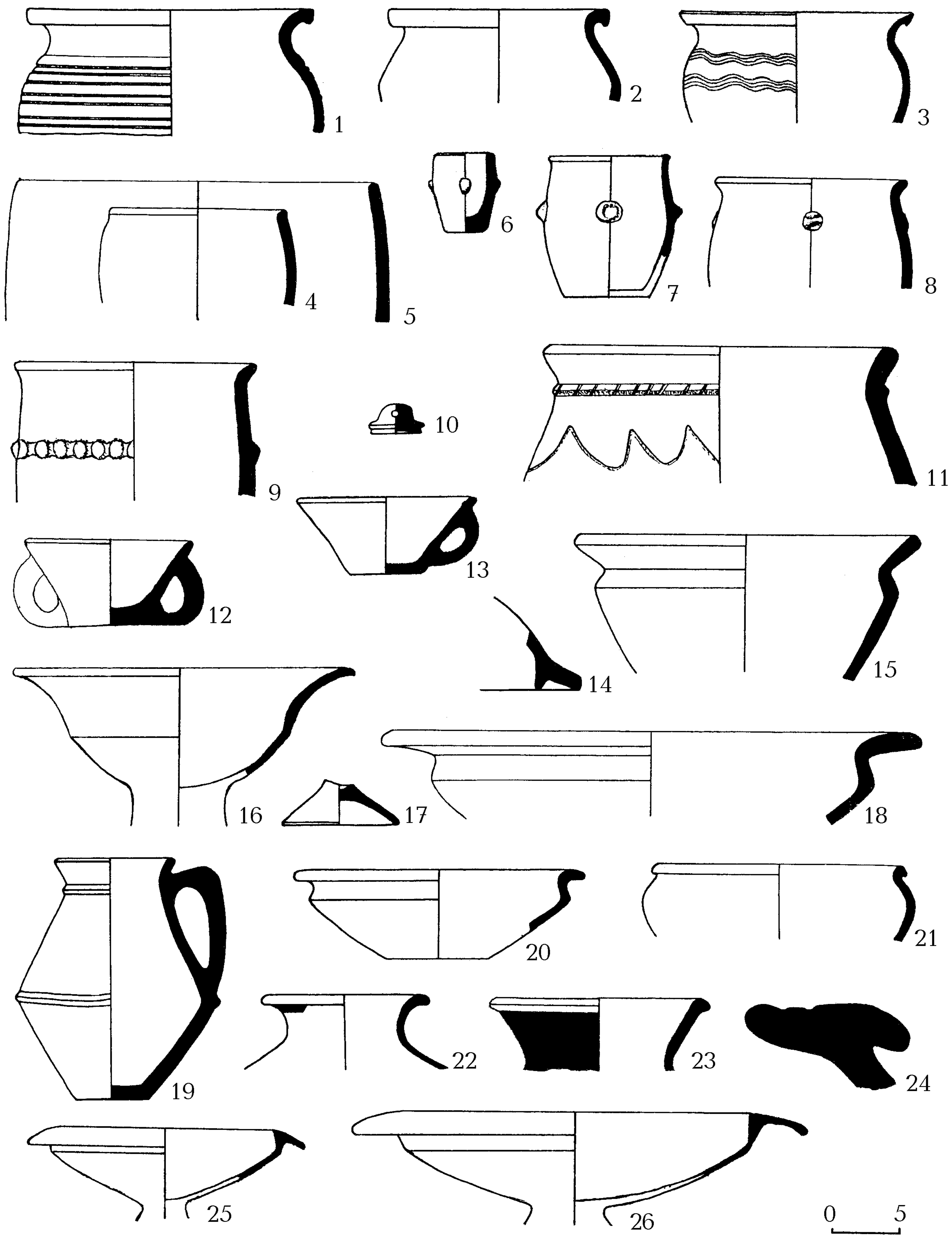

Рис.7. Малая Копаня. Керамика горизонта I.

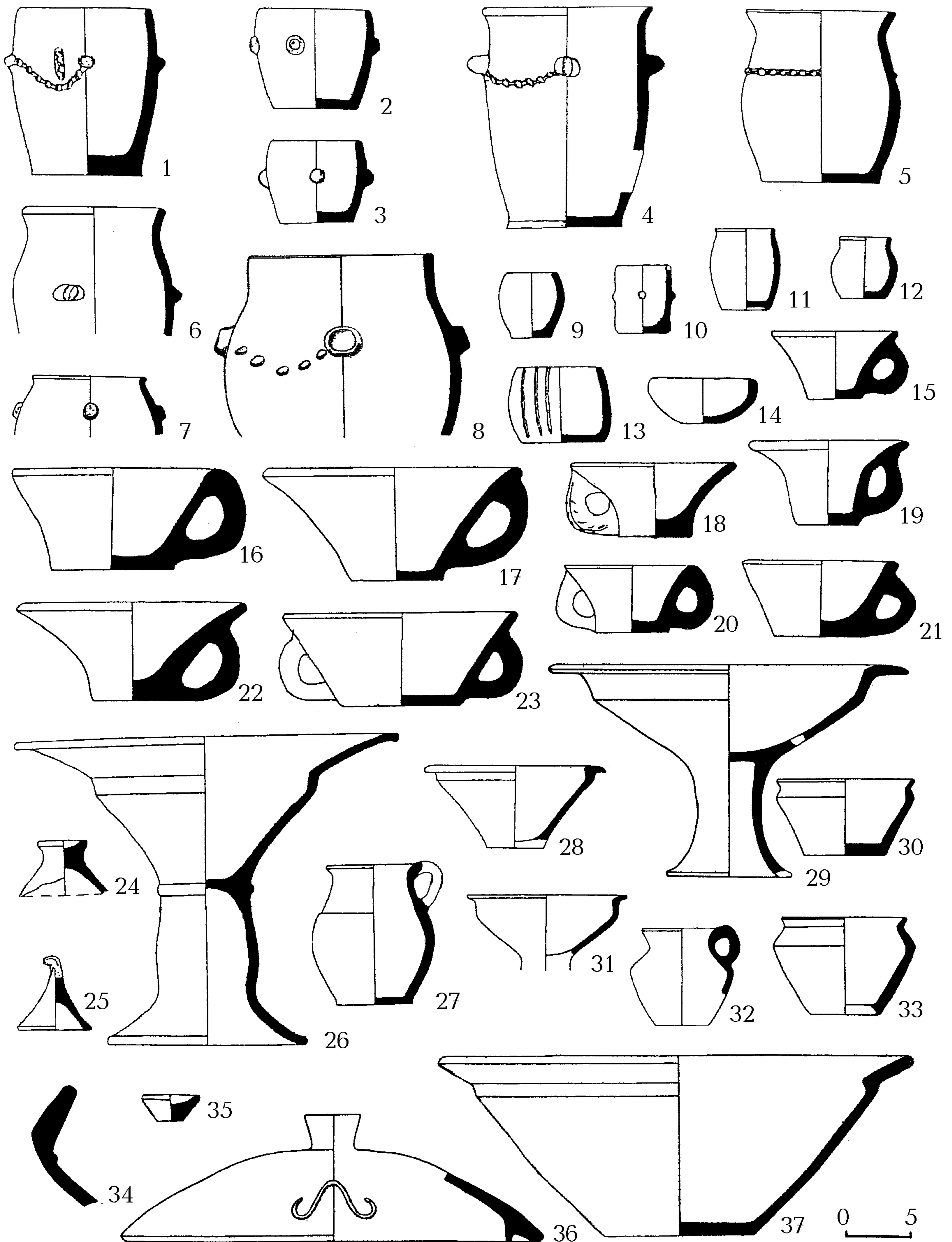

Рис.8. Малая Копаня. Лепная керамика горизонта II.

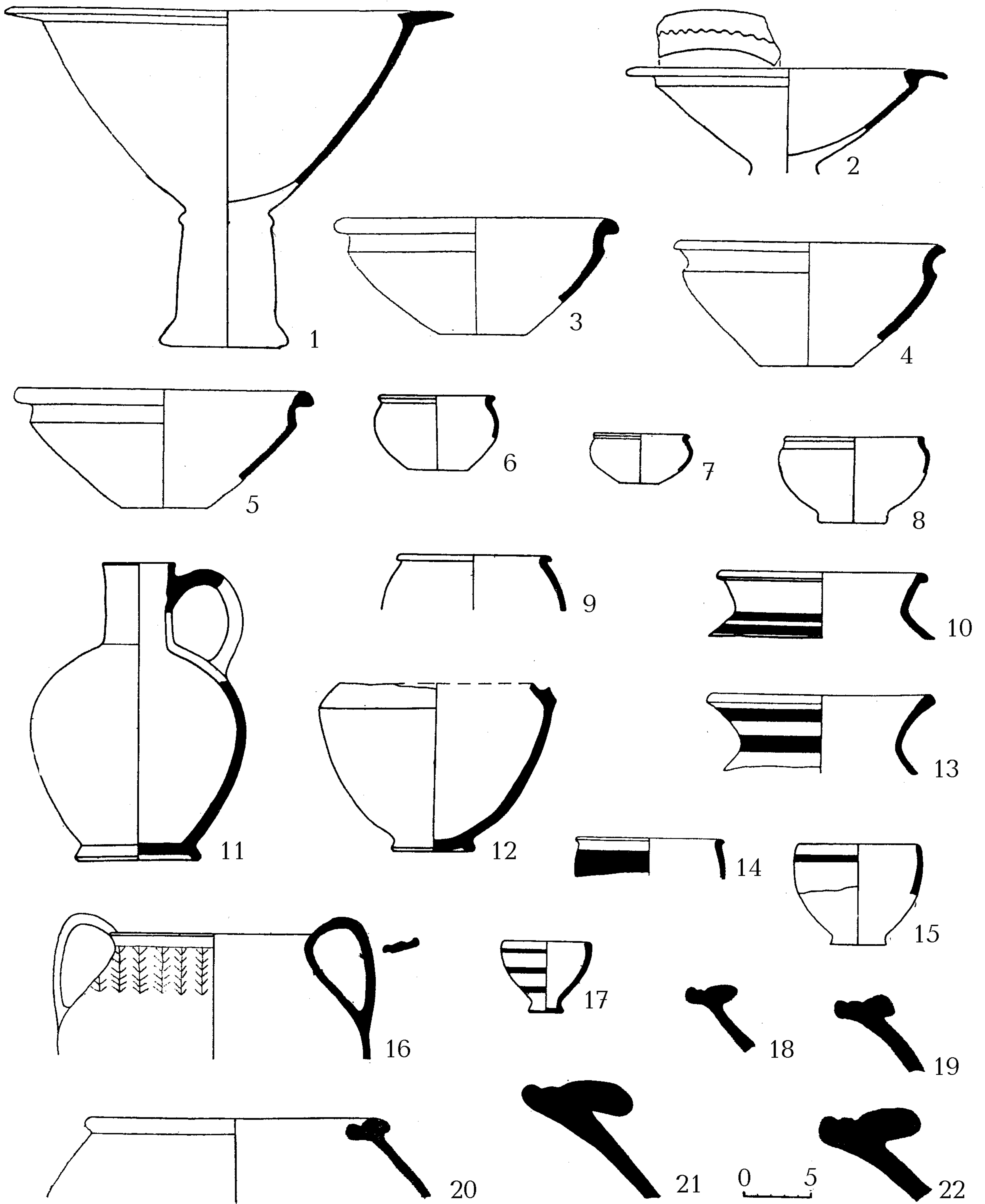

Рис. 9. Малая Копаня. Гончарная керамика горизонта II.

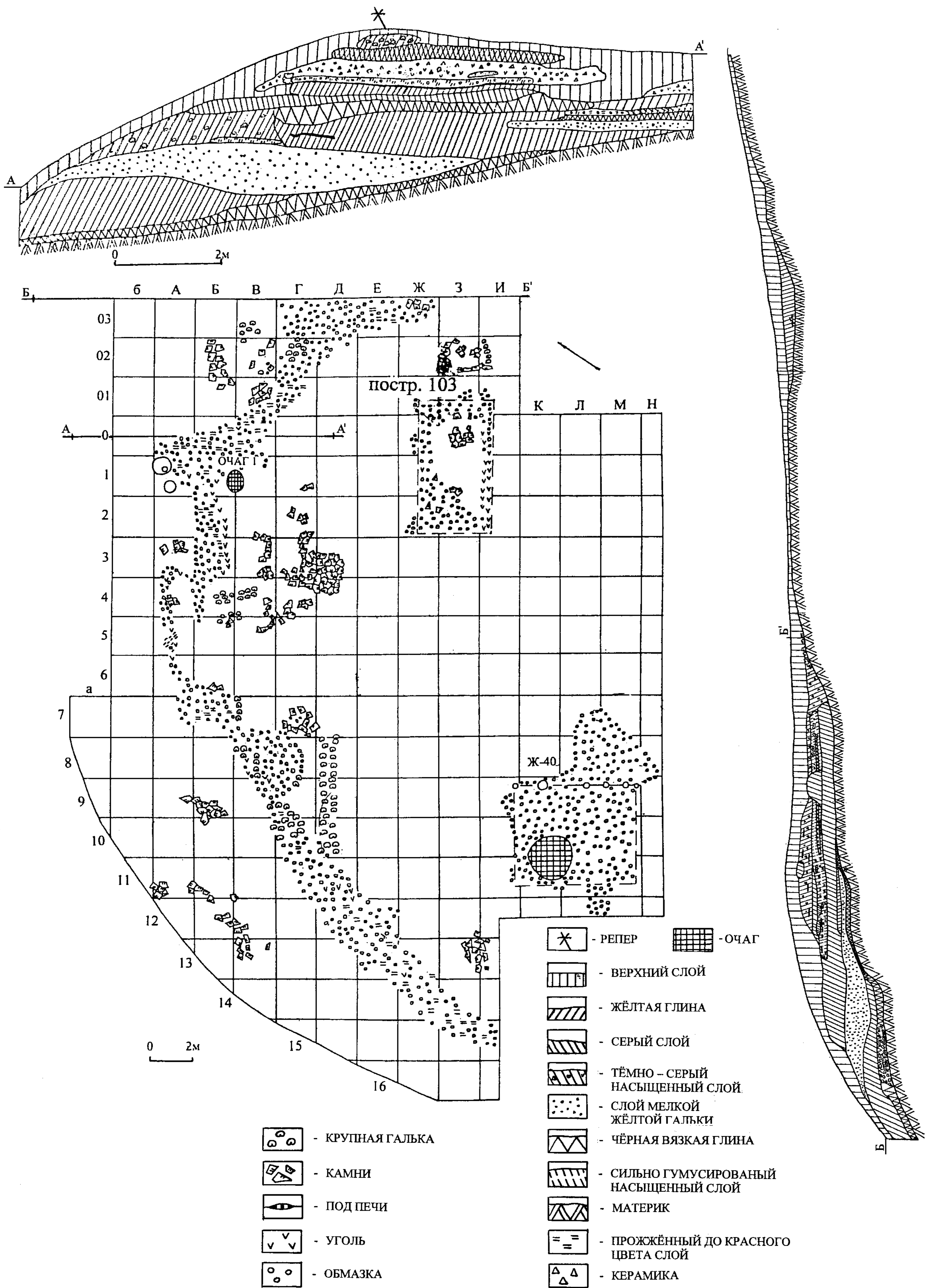

Рис.10. Малая Копаня. Общий план горизонта III раскопа XXIII.

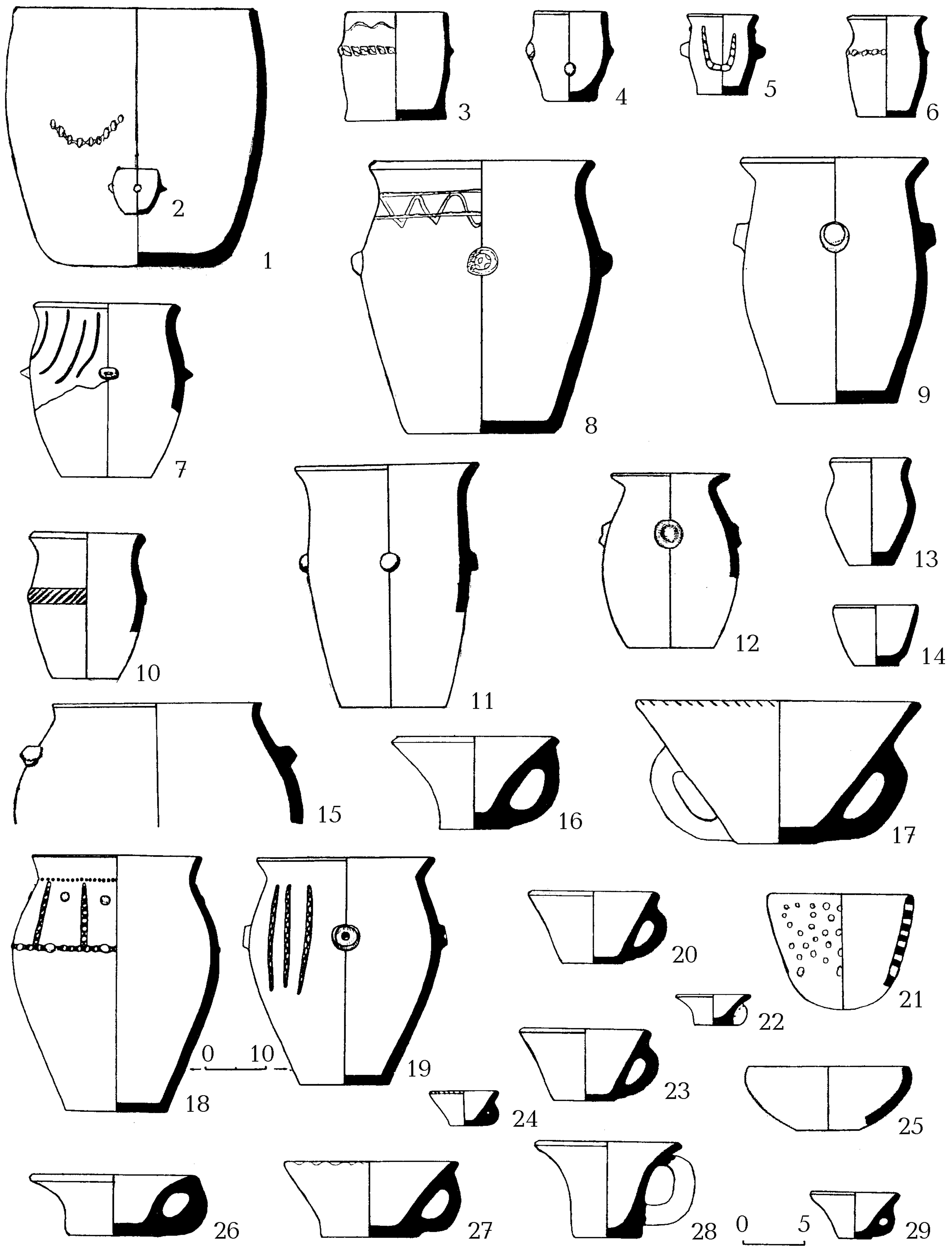

Рис.11. Малая Копаня. Лепная керамика подгруппы А горизонта III.

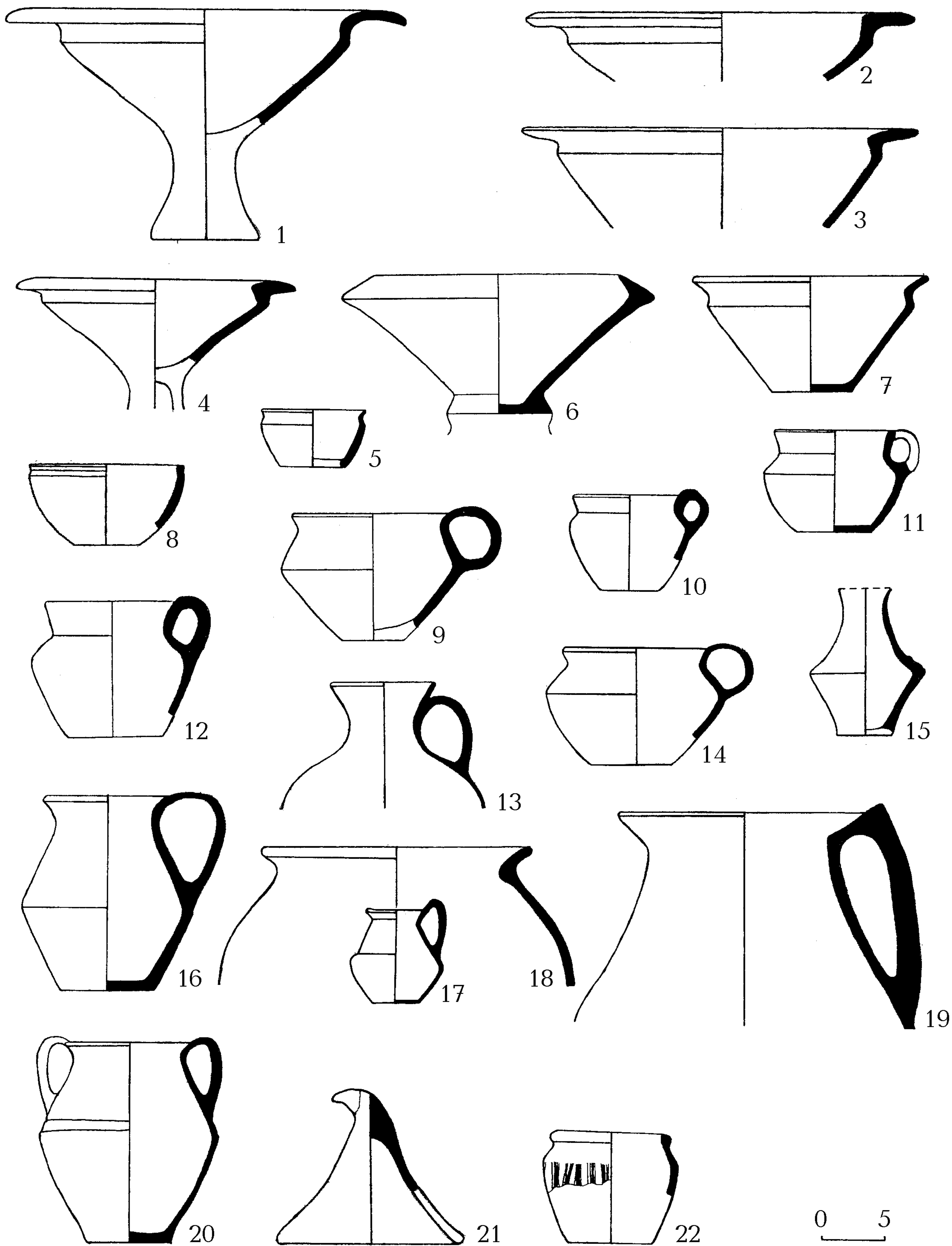

Рис.12. Малая Копаня. Лепная керамика подгруппы Б горизонта III.

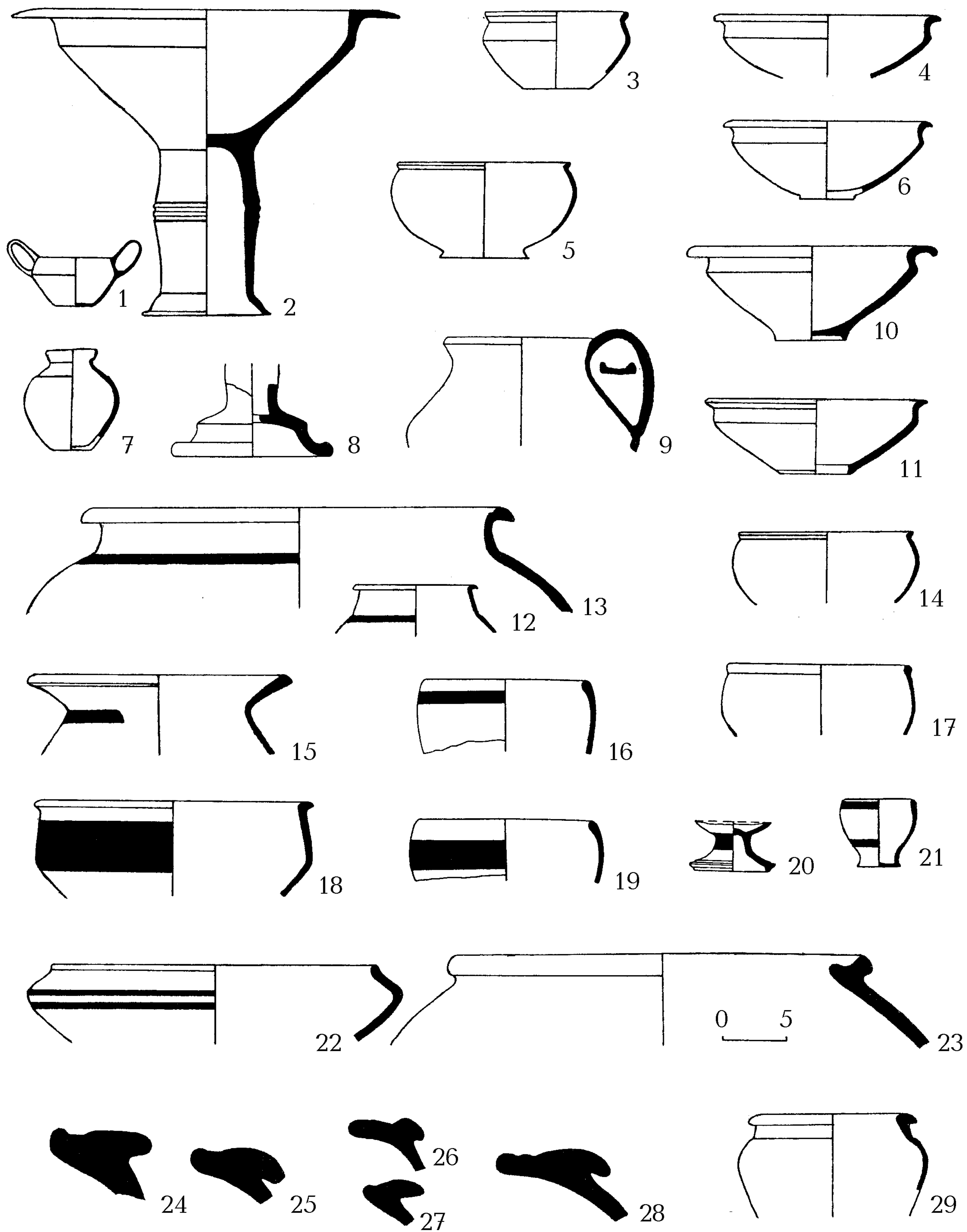

Рис.13.Малая Копаня. Гончарная керамика горизонта III.

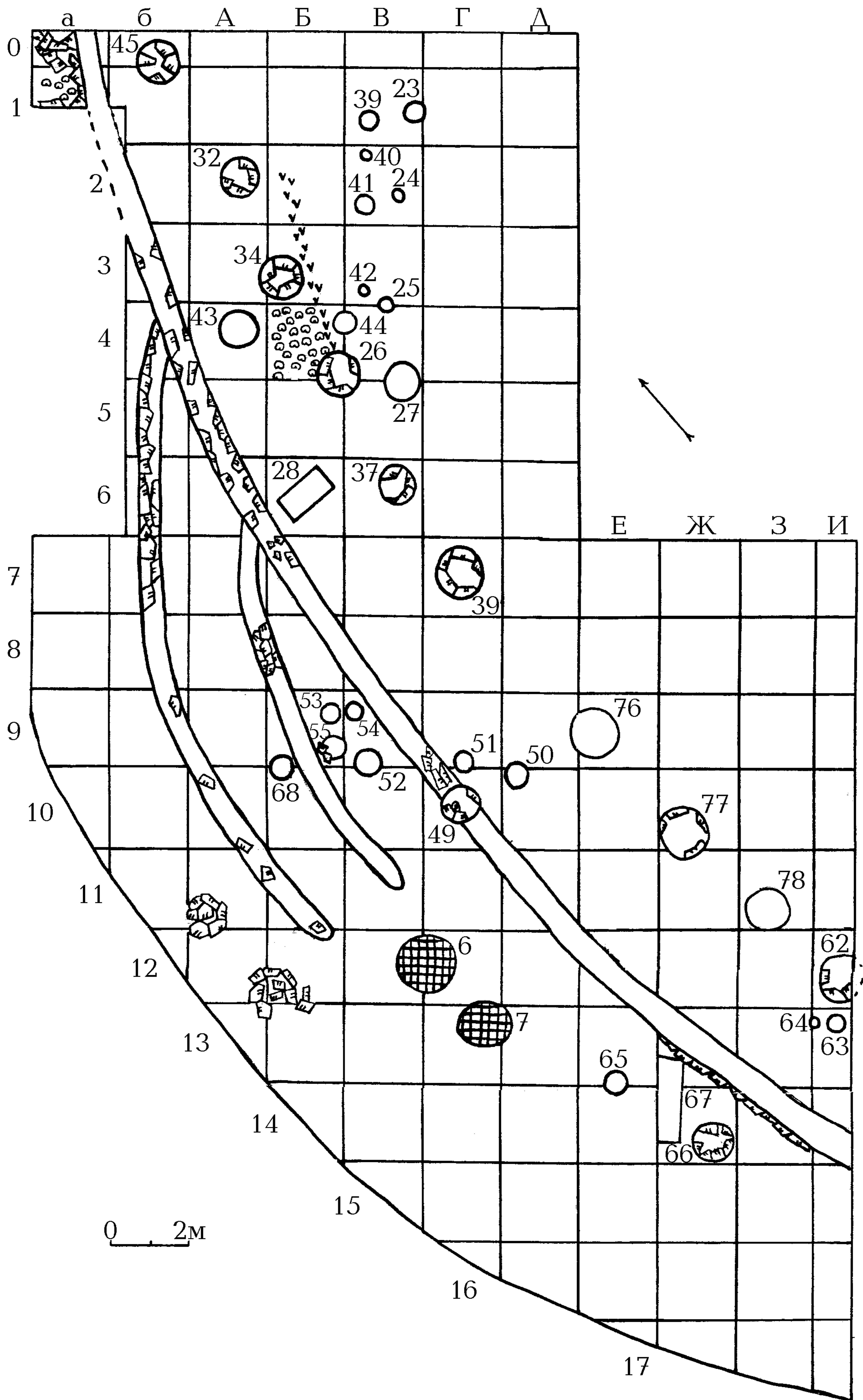

Рис.14. Малая Копаня. План горизонта V раскопа XXIII.

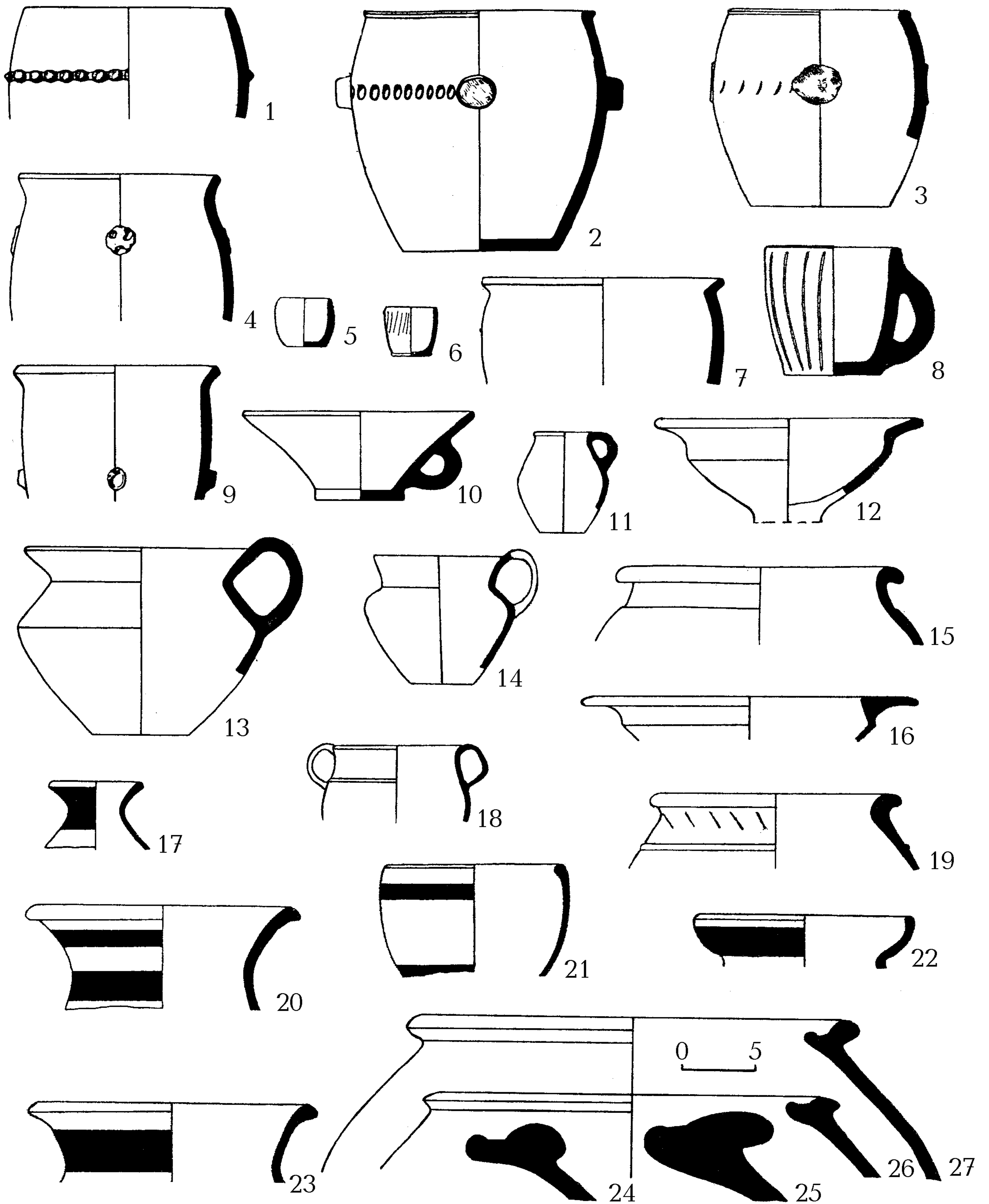

Рис.15.Малая Копаня. Керамика горизонта IV.

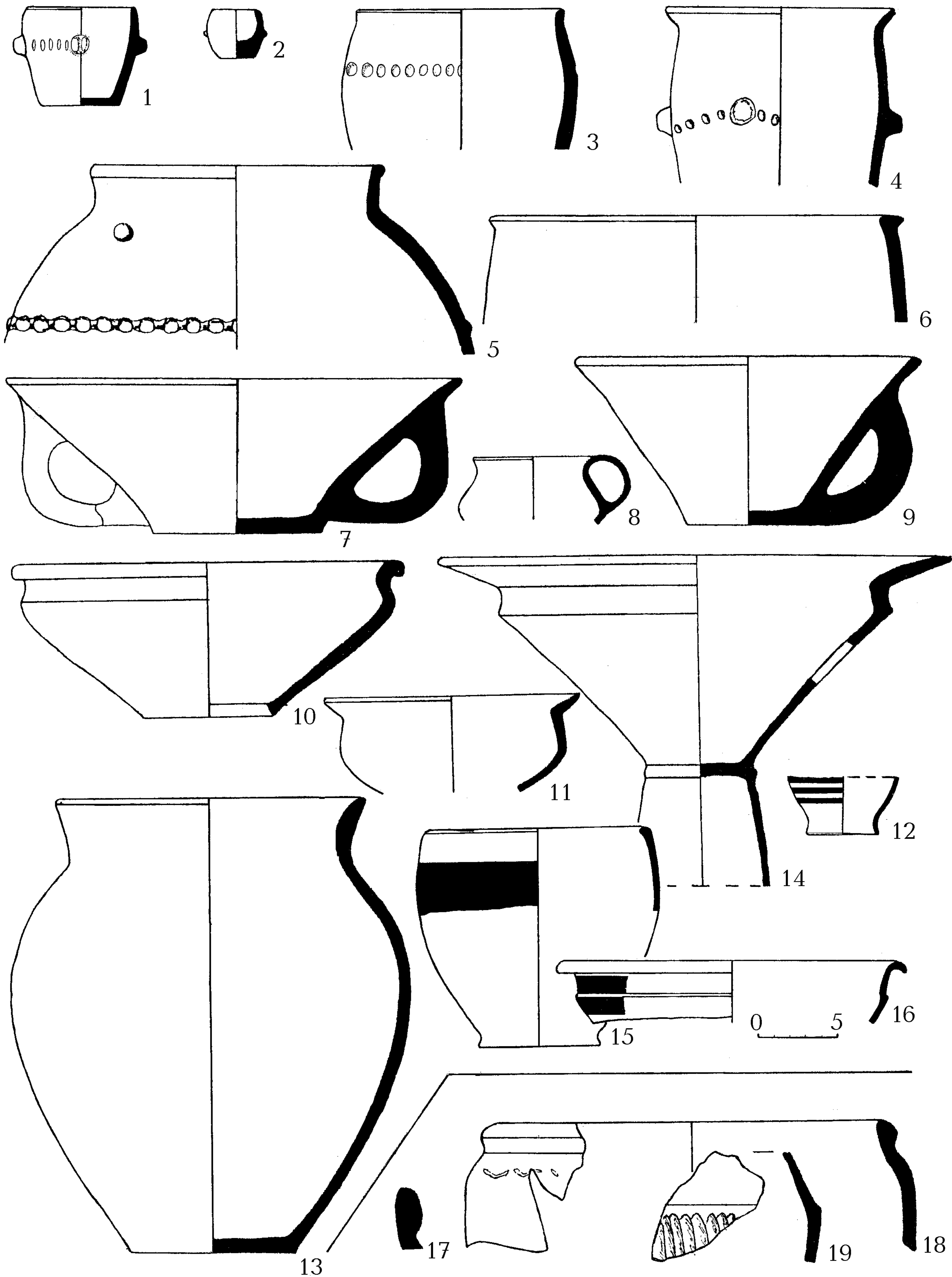

Рис.16. Малая Копаня. Керамика горизонтов V (1 – 16) и VI (17 – 19).

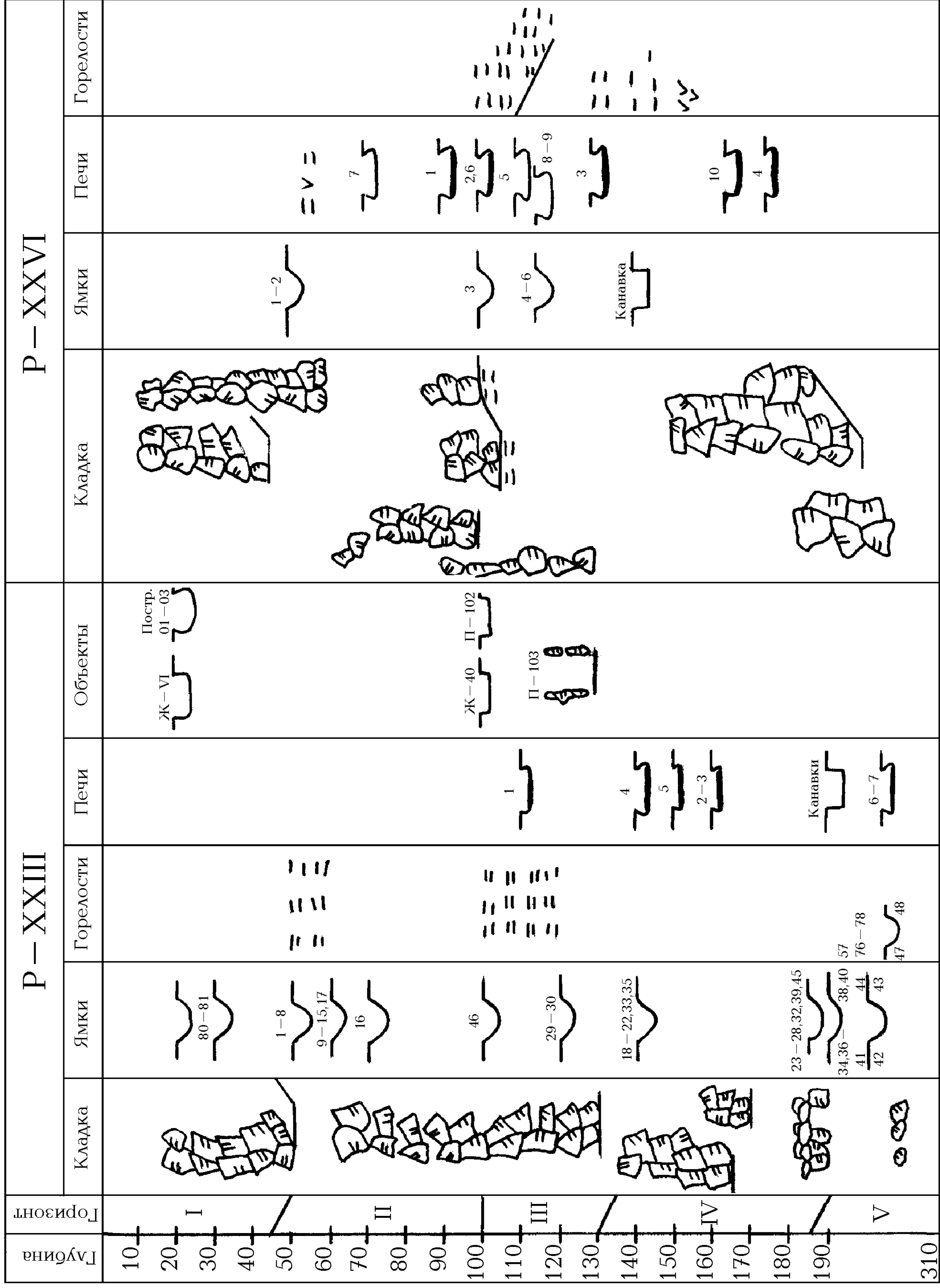

Табл. I. Стратиграфическое взаимоотношение горизонтов Р – XXIII и Р – XXXVI.

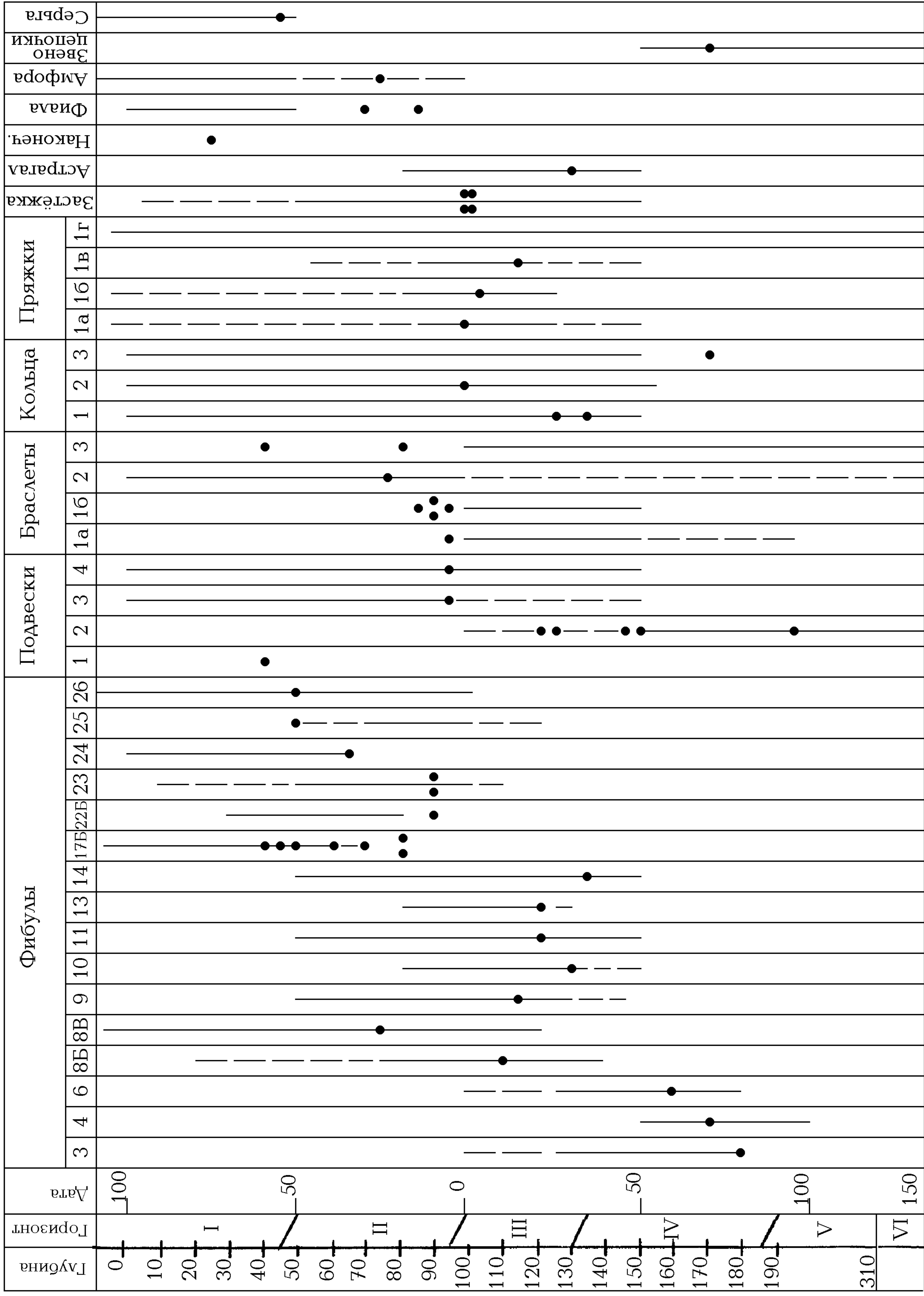

Табл. II. Малая Копаня. Стратиграфическое положение основных хроноиндикаторов Р – XXIII и XXVI.